

Опасная связь

Автор:

[Серж Жонкур](#)

Опасная связь

Серж Жонкур

Роман-сенсация

Фобии есть у всех. Но у Авроры она не совсем обычная. Успешный модельер, заботливая жена и мать испытывает панический страх перед воронами. Что стало причиной ее фобии? И при чем здесь Людовик – высокий, статный вдовец, работающий в коллекторском агентстве? Они – соседи, но не знают друг друга, пока их не сводит случай, который ведет к запутанным отношениям, и вот уже Людовик оказывается вовлечен в опасную историю с фирмой Авроры. Но для кого связь между ними опасней? И не несут ли вороны с собой погибель?

Серж Жонкур

Опасная связь

Serge Joncour

REPOSE TOI SUR MOI

© Editions Flammarion, Paris, 2016

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2018

* * *

1

Прежде чем нажать на кнопку звонка, Людовик всегда делает глубокий вдох, ускоряя свой сердечный ритм, чтобы подготовиться к внезапной вспышке враждебности или к ледяному приему. После чего, решительно выпрямившись во весь свой немалый рост и выпятив грудь, застывает столбом, ожидая, когда откроется дверь. Но тут, завидев на крыльце обшарпанного пригородного домика маленькую старушку, понимает, что на сей раз уготованное ему испытание будет заключаться в другом: не разжалобиться.

В гостиной Людовик выбирает большое кресло по другую сторону журнального столика, а пожилая дама безумно долго устраивается в своем. Он еще думает про себя, что та наверняка переигрывает (впрочем, возможно, у нее и в самом деле болит спина, ноги, да, очевидно, и все остальное), а сам тем временем достает документы из папки, которую принес с собой. Но старушка уже поднимается и с трудом шаркает в сторону коридора, заявив, что пошла за очками, только вот не помнит, куда их подевала.

Прошло три минуты, а она все еще не вернулась. Чудовищная пауза затягивается, время течет ужасно медленно. Как часто бывает в таких случаях, Людовику становится не по себе, он чувствует себя чертовски глупо, он терпеть не может такие вот затишья и предпочитает, чтобы все шло своим чередом, но быстро, даже с риском повышения градуса и дальнейшего воспламенения. Во время визитов бывает, что обстановка накаляется, дело доходит до криков, некоторые даже откровенно хватаются за нож, как было на прошлой неделе, но сегодня все совсем наоборот. Людовик не подает вида, но он вовсе не горд своей профессией. Эта старушка напоминает ему собственную мать – она примерно в том же возрасте, и ей так же трудно ходить. Еще только заметив ее на крыльце, когда она вышла открывать ему калитку, он был застигнут врасплох этим сходством. В таких случаях он ограничивается своей представительностью, которой обычно хватает, чтобы не прибегать к другим средствам: метр

девяносто пять на сто два кило; если напустить на себя вид посуровее, то он умеет произвести впечатление. Хотя единственное, чего он добивается, это не напугать, а всего лишь внушить мысль, что он не тот тип, которого можно разжалобить или растрогать. И, как правило, ему это хорошо удается. Однако до чего неприятно и утомительно все сразу понимать о других, все немедленно в них чувствовать. Едва оказавшись здесь, в Севране, и пройдя за хозяйкой по зацементированной дорожке, а потом по коридору ее домика, он уже обо всем догадался. Наверняка эта старушка, которая ходит с трудом, прожила здесь бо?льшую часть своей жизни, он обнаружил тут все симптомы застарелых привычек: давным-давно пустующая собачья будка, сад, за которым перестали ухаживать, мужнина обувь возле буфета, а самого мужа, похоже, здесь нет, или спит, или в больнице... Людовик еще не знает, что там случилось с жизнью этой маленькой дамы, этой славной, залезшей в долги бабули. Хотя ее домик вовсе не безобразен, все здесь отдает неудачей и увядшей судьбой.

В кухонных запахах, которые плавали по всему дому, он тут же различил: сливочное масло, на котором неоднократно жарили, размораживающиеся стейки на слишком жирной сковородке, брюссельскую капусту, хранившуюся не в холодильнике, – да, ароматы старой школы, классическую картину дополняли радиоприемник на батарейках, стоящий на комодe, да шеренга войлочных тапочек. Но все же самое характерное – этот немного прогорклый душок приготовленной вчера пищи, он часто с ним сталкивается, неожиданно заявляясь к людям; так пахнет у тех, кто плохо питается, ест жирное, да еще и выпивает, быть может. Как и всякий раз, его поражает обстановка в целом; это из-за того, что ему приходится крайне бестактно сваливаться на голову совершенно незнакомым людям, не предупредив их заранее о своем визите. Едва увидев сине-бело-красный логотип на заполненном бланке, который он протянул ей поверх калитки, старушка сразу же впустила его, вежливо и без малейших колебаний. По всей видимости, она даже не попытается отвертеться, да и это его огорчило бы. Его особенно. Всегда неприятно разруливать ситуации, где противоположная сторона с самого начала ведет себя непорядочно, отравляя все своим вероломством и бессовестностью. Но такое он всегда предчувствует. Редко бывает, чтобы ему не хватило слов и пришлось прибегать к помощи рук, обычно такое случается только с молодыми и не слишком уравновешенными парами, чаще всего обремененными мелюзгой, которая в самом разгаре беседы принимается вопить, чем еще больше наэлектризовывает обстановку.

Пожилая дама возвращается со своими очками, спрашивает, не хочет ли он выпить чего-нибудь, пива или портвейна, но он недвусмысленно отказывается – было бы опасно превратить это посещение в визит вежливости, тональность разговора вполне может стать сочувственной. А при взыскании долгов это настоящий риск: стоит дать им смутить себя, поддаться хотя бы раз, и впредь уже будешь постоянно их оправдывать. Бросив взгляд в досье, чтобы освежить в памяти подробности дела, он вдруг осознает что старушка-то на самом деле не так уж и стара, ей всего семьдесят шесть лет, о чем можно судить по дате рождения в платежных ведомостях, хотя с головой у нее явно не все в порядке, или же она прикидывается, потому что уже наливает ему рюмку портвейна, не обделив и себя – две маленькие, полные до краев рюмочки, которые осторожно ставит на журнальный столик. Людовик подчеркнуто отодвигает свою и пользуется этим широким жестом, чтобы занять как можно больше места, раскладывая принесенные с собой документы. Очутившись вдруг перед целым ворохом официальных бланков, пожилая женщина встает; Людовик чувствует, что ее наконец проняло. Ей трудно сдержать удар при виде копий всех тех бумаг, которые она уже получала, согласно которым она должна денег, однако вот он, этот чертов долг, перед ней – в конце концов настиг ее, став реальностью.

– Знаете, мадам Салама?, чем дольше тянутся такие истории, тем только хуже. Я говорю это ради вас, мадам Салама. И напоминаю, что я пришел сюда лишь для того, чтобы все уладить и вернуть на свои места. Понимаете, моя работа как раз в том и состоит, чтобы не давать делу портиться еще больше. Понимаете?..

Для каждой встречи он запасается папкой – не офисной и не для рисунков, а простой картонной папкой с фамилией должника, написанной на самом виду, чтобы подчеркнуть исключительность своего демарша, дать ему понять, что прибыл сюда нарочно ради него. Только для того, чтобы увидеться с тем, чья фамилия написана черным фломастером на красной папке. Это досье немного напоминает историю болезни, довольно пухлую историю, потому что он на 90 % набивает ее совершенно посторонними бумагами, чтобы выглядело повнушительнее. Занимаясь этим ремеслом вот уже два года, Людовик по крайней мере уверен в одном: толстое досье производит гораздо большее впечатление, чем его сто два килограмма.

– О, знаете, я никогда ничего не понимала во всех этих бумажках, все эти заказные письма...

- Вот именно, мадам Салама, вам лучше присесть, я вам сейчас все подробно объясню.

Он чувствует, что дама довольно сильно встревожена, поэтому немного меняет тон, внося в него человеческие нотки.

- Не волнуйтесь так, маленькие задолженности у всякого могут случиться. Я вам скажу, в наше время это даже стало правилом: люди влезают в долги, чтобы купить что-нибудь, получают то, что хотели, но забывают при этом, что в конце концов надо за это заплатить, так уж все устроено...

- Понимаете, это не для нас, а для внучки.

- Кольцо это для вашей внучки?

- Да, на ее свадьбу.

- Ладно, но если я правильно понял, она вышла замуж два года назад, а за кольцо до сих пор не заплачено. Два года - это многовато, вы не находите? И вообще после задатка была всего одна выплата, да к тому же неполная, верно?

- Она с тех пор развелась. Бедняжка, это все любовь, она не очень-то помогла ей в жизни, но я вас прошу поверить, это была девчоночья любовь.

- Я уверен в этом, мадам Салама, но поймите и вы меня, я пришел не для того, чтобы говорить о вашей внучке, нас интересует это кольцо...

- А он ее вдруг бросил одну с двумя детьми, ни с того ни с сего...

- Ладно, но, судя по тому, что я вижу в досье, муж вашей внучки тут совершенно ни при чем, его фамилия в деле не значится. Мадам Салама, это ведь вы купили то кольцо, разве не так? Вы хотели дать ему в долг?

- О, я уже не помню, это муж заполнял все бумаги, он всегда такие бумаги заполнял.

- Ладно, а где сейчас мсье Салама?

– В больнице.

Вот и подтверждается дурное предчувствие, возникшее у него перед тем, как задать этот простейший вопрос; и вот тут ни в коем случае нельзя дрогнуть, позволить себе разжалобиться.

– Ладно, но ведь это ваша подпись на первом чеке, верно?

– Это наша общая чековая книжка, но вообще-то я уже ничего не помню, вы мне говорите об этом через три года, а я вам говорю, что они с тех пор развелись.

– Нет, через два года. В таком случае, где теперь это кольцо?

Делая вид, будто роется в досье, Людовик заранее прикидывает, что будет, если попытаться забрать кольцо у внучки, которая наверняка его давно продала: два вопящих карапуза, молодая женщина, которая теряет самообладание, паникует или выходит из себя. А если у нее завелся новый мужик, да еще и с криминальными наклонностями, то придется разбираться заодно с мужиком, изо всех сил стараться сохранять хладнокровие, ступая по раскаленной лаве... Уж лучше малость сблефовать.

– Мадам Салама, вы уже разок помогли вашей внучке, и знаете, что мы сейчас сделаем? Мы снова ей поможем, на этот раз окончательно, не то, если вы ничего не сделаете, вся эта история свалится на нее и это ей придется ее расхлебывать, заплатить семьсот евро!

– О, но я вовсе не хочу, чтобы у нее были проблемы... Господи боже, надо же, чтобы это случилось со мной, вот уж не повезло, как подумаю, что вы устроите ей проблемы...

– Я здесь как раз для того, чтобы не было проблем. Послушайте меня хорошенько, я тут всего лишь посредник, занимаюсь примирением сторон, вот и все... и я представляю ювелира из Ливри-Гаргана, у которого вы купили кольцо, это честный ремесленник, только в последнее время у него много неприятностей из-за тех, кто ему не платит. Получается, что он выдает товар авансом, чтобы люди вовремя получили свои кольца, а взамен получает неприятности, потому что ему не платят, понимаете? Надо же ему получить

назад свои деньги, а не то ему придется закрыть лавочку, понимаете?

- Все ювелиры ворюги...

- Не этот, мадам Салама, не этот, поверьте мне. Тогда для начала мы сделаем одну совсем малюсенькую простенькую вещь: мы составим график выплат на двадцать месяцев, если хотите, чтобы вы были спокойны... Вы мне выпишете двадцать чеков по тридцать пять евро, которые ювелир будет обналичивать месяц за месяцем, и так мы избежим неприятных процедур, приставов и так далее, я вам обещаю, что не будет никаких судебных мер, никаких проблем, ничего...

- Не хватало еще, чтобы меня по судам таскали, в моем-то возрасте, пусть только попробуют, вот еще, им мало не покажется!

- Не сердитесь, я здесь как раз для того, чтобы вам не досаждали, чтобы мы с вами спокойно потолковали, понимаете? Значит, мы двинемся потихоньку-полегоньку, месяц за месяцем, вы следите за моей мыслью, мадам Салама, потихоньку-полегоньку, знаете что, доверьтесь мне, вот увидите, мы все уладим, и так, благодаря вам, все останутся довольны, и ваша внучка избежит неприятностей. Вот... Ну что, давайте, чокнемся?

- О нет, этого я не хочу!

- Да чего же?

- Чтобы у малышки были неприятности.

Когда она достает из ящика комода старую, совсем затрепанную чековую книжку, его вдруг охватывают сомнения, он молится, чтобы она не подсунула ему пачку необеспеченных чеков. Потому что он уже представляет себе, как возвращается сюда через неделю, уже в другом расположении духа, и тогда придется ему говорить по-иному с этой семидесятишестилетней женщиной, повышать на нее голос, переходить в совсем другой регистр. Людовик скрещивает пальцы, только бы она его не подставила, только бы сыграла честно. Но когда старушка опрокидывает одним духом свою рюмку портвейна и наливает себе вторую, которую выдувает так же лихо, у него снова появляются сомнения. С первого чека она жалуется, что у нее ничего не выходит, ручка не

работает и вообще тут недостаточно света, после чего поднимается и говорит ему, чтобы он сам их заполнил. Дескать, она решает довериться ему. Он в некотором смысле тоже вынужден ей поверить. Так что оба доверяются друг другу. Только вот в силу опыта он обладает верным нюхом, а потому чует неприятности, когда замечает, что последний чек был выписан три года назад, а еще замечает на ее ногах две пары носков поверх чулок и то, что в доме и правда холодно... в общем, он предчувствует, что история на этом не закончится.

Вокруг Авроры полно народа, даже слишком, быть может. Компьютерный сбой парализовал все кассы. Каждый ждет в своей очереди с наполненной корзинкой или тележкой, отсюда никуда не денешься, разве что все бросить и уйти, но тогда что есть сегодня вечером? Аврора бросает взгляд на свой телефон: сеть-то он тут ловит, но это ничем не может ей помочь. Пауза затягивается, кассирши застывают, сбитые с толку этим непривычным затишьем. С тех пор как зависли все кассовые аппараты, больше не слышно попискиваний, раздававшихся со всех сторон, ни движения транспортерной ленты, вообще ни малейшего звука. Люди смотрят друг на друга без всякой реакции. Менеджер говорит, что через три-четыре минуты все наладится; он держит в одной руке портативную рацию, а в другой коробку шоколадных конфет, которыми угощает покупателей, чтобы скрасить им ожидание. Аврора задается вопросом, будут ли эти три-четыре минуты безвозвратно потеряны и во что они могли бы превратиться в масштабе ее жизни. Ее прошибает пот, но она не нервничает, хотя и с трудом выносит, что у нее крадут время, которое ей еще понадобится, чтобы собрать покупки, потом вернуться на холод и пересечь свой двор. Опять пересечь этот двор.

Инцидент в магазине – словно иллюстрация ее жизни в последнее время. С сентября все дни состоят из украденного у нее времени, времени, которое ей больше не принадлежит. Часов, которые отнимают у нее на работе. Минут, что она теряет в переходах метро. И даже двое ее собственных детей видятся ей маленькими эгоистичными воришками. В придачу еще и Виктор – ее пасынок, который бывает здесь только десять дней каждый месяц и по возможности держится на втором плане (правда, насупившись, что в конечном счете еще хуже), тоже крадет у нее время. Крадет, даже не спрашивая, просто находясь здесь, не делая ничего, не убирая постель, не готовя уроки, только валяясь со своей игровой приставкой на том белом диване, где она и сама мечтает как-нибудь прилечь. Прилечь всего на один вечер – бросить вещи при входе и устроиться на белой приятной коже, и чтобы все делалось без нее.

Попискивания возобновляются, жизнь возвращается. Когда она выходит из супермаркета «Монопри» на улицу, там уже черным-черно. Сегодня 20 октября, девятнадцать тридцать, и день стал еще короче. Ручки пакетов с покупками врезаются ей в ладони. Из-за этого холода люди шагают быстрее, словно чего-то боятся. Углубляясь в маленькие улочки, она встречает все меньше и меньше людей, машин, магазинчиков и вскоре слышит только стук собственных каблуков по тротуару. Иногда у нее возникает чувство, будто и сама она превращается в этот дробный перестук убегающего времени, в механический отзвук торопливой поступи, затухающий с наступлением вечера. Хотя она добилась всего, чего хотела, у нее есть ответственная работа, прекрасная квартира, семья... Но только с сентября все пошло наперекосяк.

Она набирает код на входе, толкает дверь ногой и обнаруживает свой двор погруженным в темноту. В конечном счете это единственный момент за день, когда она остается одна, потому-то она так и нуждается в одиночестве. Пока здесь не обосновались вороны, минуты, проведенные в этом дворе, были настоящей передышкой, глотком воздуха, благом, которое она чувствовала всякий раз, проскальзывая в вестибюль, и надо сказать, что, когда она направлялась в сторону двора, весь город вокруг стирался. Эта густая тишина, это ощущение безмятежности исходит от двух огромных деревьев, чьи кроны простираются над крышами, словно вторая кровля, создавая тут совершенно особый, дикий и девственный мир. Трава растет в щелях между камнями брусчатки, кусты прямо под деревьями образуют посреди двора настоящие заросли; природа здесь слишком явно отвоевывает свою территорию у города.

В этом старом частном особняке только внешний, выходящий на улицу фасад заново оштукатурен – там-то Аврора и обитает. Здания в глубине двора более древние, в них последние ремонтные работы проводились много десятилетий назад, электрические провода тянутся там по трехвековым балкам, это словно другой мир, куда она никогда не заглядывает. Аврора идет сквозь запахи пригородного леса, угадывая в потемках очертания двора, потому что с сентября, с тех пор как здесь обосновалась пара воронов, она перестала зажигать свет. Она знает, что стоит ей включить дежурную лампочку, как те раскаркаются, и с вершин деревьев понесутся оглушительные, леденящие душу вопли, от одной только мысли о которых у нее холодок бежит по спине. Ей всегда было не по себе с птицами, ее даже голуби пугают, когда подбираются слишком близко, что уж говорить о воронах.

Впервые она толкнула эту дверь восемь лет назад, когда пришла сюда вместе с Ричардом посмотреть квартиру, и стоило ей наткнуться на зелень, это место показалось ей деревенским уголком посреди Парижа, укрытым от июльской жары. Воздух под большими деревьями был прохладным, словно кондиционированным, и она сразу же поняла, что именно здесь будет жить, поняла еще до того, как увидела квартиру, все из-за этого двора – настоящей шлюзовой камеры, коридора между домом и остальным миром.

Она зажигает тусклый светильник в помещении на первом этаже, отведенном для почтовых ящиков, а заодно и для мусорных бачков. Старая лампочка заливает его янтарным светом. Аврора выбрасывает рекламные проспекты и оставляет счета. Выйдя оттуда, она поднимает голову: колышется листва на ветру, однако сегодня вечером воронов она не видит. Что не успокаивает ее дурные предчувствия.

Оказавшись на лестнице, она решает не зажигать свет. Они мерещатся ей на каждом этаже, и порой она боится наткнуться на них даже здесь, на лестничной площадке. Она твердит себе, что однажды вечером ей не удастся совладать со своим страхом, он настолько парализует ее, что не позволит вернуться к себе домой. Ричард каждый раз втолковывает ей: «Аврора, это всего лишь птицы, если уж на то пошло, они сами тебя боятся». Но она знает, что это неправда, эти вороны, даже когда до них остается меньше метра, не шевелятся, наблюдают за вами или дразнят. Эта пара воронов – олицетворение всех тех страхов, которые сейчас обступили ее, всего того, что разладилось в ее жизни: накопившиеся долги, ее компаньон, который не разговаривает с ней с сентября, все способствует тому, чтобы окончательно выбить ее из колеи.

В городе тратят свою жизнь на то, чтобы произвести первое впечатление. В течение дня встречаешь тысячи взглядов, соприкасаешься вплотную со столькими людьми, едва замечая некоторых, а других даже не видя. В Людовике всех сразу же поражает его стать. Такое телосложение налагает отпечаток и на характер, определяет его отношение к другим, а кроме того, обязывает к некоей осторожности, как сегодня вечером в этом переполненном автобусе: он чувствует, что при малейшем нарушении равновесия может причинить кому-нибудь боль, так что цепляется крепче за поручень, особенно когда нервный водитель встряхивает своих пассажиров. Три старушки, сидящие прямо под Людовиком, кажутся совсем крошечными, несколько мужчин выглядят не больше. Он не уверен, что женщины присматриваются к нему, зато мужчины

точно бросают взгляды, завидуя его комплекции, в обезличенной толпе она выглядит незаслуженным преимуществом.

Входит молодая женщина с детской коляской, люди пробуют потесниться, но ничего не получается, магнитофонный голос просит пассажиров «пройти в глубь салона», водитель встает и добавляет к словам жест, все ужимаются, внутри становится невозможно дышать, и тогда Людовик выдирается вон из этого зараженного нетерпением автобуса. У него проблемы с толпой, с этой городской манией сбиваться в кучу. Он оказывается на бульваре, но тут тоже самое, люди бегут, опустив голову. Отвести плечо, сделать шаг в сторону, чтобы избежать столкновения – здесь все это делают не раздумывая, в то время как он пробует сосредоточиться, возвышаясь над толпой. Наверняка надо долго прожить в Париже, чтобы инстинктивно лавировать в столь плотном и спешащем множестве, сливаться с ним, даже не обращая на него внимания.

Прежде ему не случалось ощущать то, что он выделяется своей массой в толпе. Когда он шагал у себя в долине Селе по тропинкам среди высоких скал или в чистом поле, окружающему миру было плевать на его габариты, а здесь он постоянно вынужден от чего-нибудь уворачиваться.

Оказавшись на Национальном мосту, он поворачивает налево, чтобы пройтись по набережным. Здесь широко открывается не стиснутый ничем вид. В городе только река способна вот так раскрыть небо, даже ночью, по крайней мере его тут видно. Сена здесь – единственная умиротворенная, единственная женская стихия. Помимо нее все остальное, что он видит вокруг себя, это вечно раздраженный жесткий, придуманный мужчинами город, чьи монументы и здания возведены мужчинами, скверы, машины и проспекты нарисованы мужчинами, улицы подметены мужчинами, и даже тут, в скейт-парке, через который он тащится по холоду, как недавно под линией надземного метро, тоже одни только мужчины... Идя по набережной вдоль реки, он вполне сознает, что мужики на него смотрят. Смотрят, потому что и он на них смотрит. И этой бравადе, этим вызывающим взглядам нет конца. Такое с ним уже случалось, как в тот раз, после напряженной встречи в Иври с одной парочкой, которая целый час изводила его своим криводушием с таким упорством, что он чуть не сорвался... Но сдержал себя. Он срывался два раза в таких же обстоятельствах, два раза другие так доставали его, что он слетал с катушек. Но больше это не повторится, он знает, что больше это не повторится. Рано или поздно благоразумие берет верх у всех. Но, несмотря на это, визиты на дом остаются не самым приятным занятием. Явиться к людям без предупреждения и сразу же

довольно резко предъявить им счет, это привносит в отношения нервозность. Он по-настоящему раздражался всего два раза. Два срыва за два года – это, конечно, мало, «но и один может оказаться лишним». Это слова Кубресака, его босса, который поначалу не слишком хотел, чтобы Людовик ходил по домам. Кубресак давно с ним знаком, по регби, видел, как он играл на задней линии в федеральном дивизионе, и знает, что за пределами поля он мухи не обидит, хотя в игре восьмым номером был даже немного жестковат и склонен скорее снести противника, чем искать проход между игроками.

Мало со стороны казаться сильным, надо еще и решиться быть таковым. В свои сорок шесть он выглядит крепким малым, которого ничем не проймешь. Хотя на самом деле чувствует себя совершенно подавленным этим городом. Он и в Париж-то перебрался лишь из чувства долга. А иначе по-прежнему жил бы в долине Селе, несмотря на то что земля не приносит дохода, несмотря на слухи, от которых так и не отделался, несмотря на смерть жены, которую убили химикаты, и несостоявшуюся попытку привлечь их производителей к ответу. Да, он и сегодня еще жил бы сельским хозяйством – наверняка из атавизма, но прежде всего по призванию. Только вот кроме блуждающего воспоминания о Матильде есть еще кое-что, сегодня уже невозможно прокормиться впятером с сорока гектаров лугов, да и то заходящих порой на чужие участки. Уже большая удача, что семье хватает на жизнь, сестра, родители – они справляются, не делая лишних уступок. В конце концов, единственное, чем Людовик может гордиться, это тем, что пожертвовал собой ради сестры и племянников, хотя ему и пришлось оставить свое место зятю. По крайней мере, теперь он уверен, что родители окончат свои дни спокойно, не ломая голову из-за дележа наследства.

Всегда трудно покидать свою землю, особенно когда ты владеешь ею по-настоящему, но после смерти Матильды и всего, что люди об этом болтали, он больше не мог там оставаться. И как только ему подвернулась эта работа в Париже, согласился на нее, словно принимая вызов. Старший из Кубресаков искал переговорщиков для парижского региона, ему были нужны надежные ребята, без особого опыта, но на которых можно положиться. Кубресак владел компанией по производству сельскохозяйственного инвентаря и был давним спонсором нескольких регбийных клубов региона, в том числе Сен-Совёра и Гурдона. Когда Людовик играл среди юниоров, а потом в федеральном дивизионе, имя Кубресака было вписано золотыми буквами на панно спонсоров при входе на стадион. Тридцать лет назад старший из Кубресаков обосновался в Париже, чтобы заняться недвижимостью, но очень быстро столкнулся с проблемой непогашенных задолженностей, масштаб которой натолкнул его на мысль, что во времена кризиса взыскание долгов станет выгодным делом. Факты

подтвердили его правоту: сегодня недоимки во Франции составляют шестьсот миллиардов евро в год, в стране, где первый государственный бюджет посвящен погашению долга. И это весьма явный признак того, что мир погряз в долгах, и тут уж либо ты заставляешь платить, либо сам платишь, что должен. Затем Кубресак в 1990-х годах объединился с одним юристом, и они занялись взысканием долгов с большим размахом. Вначале они сами были единственными переговорщиками, теперь используют для этого более сорока сотрудников. Но только трое из них ходят по домам, остальные сидят на телефоне. Коллекторская деятельность требует такта и умения убеждать. После двух месяцев юридической подготовки Людо сделал первые шаги на новом поприще. Чтобы отдалиться от дома, Париж был гораздо более радикальной мерой, чем Лимож или Тулуза, но шок все-таки оказался слишком сильным. И, хотя кажется, будто эта работа как раз по нему, он-то знает, что долго на ней протянуть не сможет. Прошло всего два года, а он уже не выдерживает. Его достали как честные должники-неудачники, загоняющие себя в западню кредитами, так и прохиндеи, которые отказываются платить – два противоположных образа действия ради одного и того же результата: не сегодня так завтра с них спросят деньги.

Но он по крайней мере предпочитает смотреть должникам в лицо, считает это более человечным, потому что заниматься взысканием долгов по телефону, просиживая по восемь часов в день в конторе и неделями изводить людей, все время талдыча им противным голосом одни и те же заученные фразы, – это совсем не для него. Он и визиты на дом выбрал, потому что по большей части его работа сводится к нажатию на кнопку звонка с указанием фамилии, на которую он довольно спокойно давит, и обычно это даже не квартира, а пригородный домик. Тогда как взыскание долгов по телефону часто оборачивается своего рода псовой охотой, неустанной травлей, цель которой – посеять в должнике панику, беспрестанно звоня ему в любое время, и утром, и вечером, звоня всему его окружению, семье и даже на работу, сообщая всем и каждому, что он должен деньги, клея ему на лоб ярлык «должник» и не ослабляя хватку до тех пор, пока он не сломается. Это гнусно.

Людовик знает, что визиты на дом дают наилучшие результаты, поскольку улаживают дела гораздо эффективнее. В любом случае он ни за что не смог бы целыми днями висеть на телефоне, хотя бы потому, что не любит звонить и никогда не звонит даже своим близким, но в первую очередь потому, что ему надо двигаться, бывать на воздухе, а не сидеть сиднем. Движение для него – необходимость.

Еще только приступая к этой работе, он готовился к неприятным стычкам, к напряженным ситуациям чуть ли не с уголовниками. Но оказалось, что чаще всего приходится иметь дело с побежденными: с малообеспеченными людьми или с теми, кто недавно потерял работу, но не удержался от желания потреблять. Иногда он натывается также на не слишком смысленных старичков, которые дали себя околпачить или оказались не очень-то предусмотрительными. Разумеется, наряду с этими попадаются и мошенники, которые ловко надувают коммерсанта, не платят квартирохозяину или мастеру за бытовые услуги, но увы, таковых не слишком много, а то ему было бы гораздо легче. Когда сталкиваешься в подобных обстоятельствах с паршивцами – меньше мучает совесть, да и больше мотивация работать.

Это не та профессия, которой хвастаются. Однако Людовик не чувствует себя наемником крупного капитала, хотя также не хочет принимать и сторону тех, кого преследует. Реальность не настолько бинарна: по отношению к должникам он представляет отнюдь не всесильных кредиторов, а скорее ремесленников, мелких предпринимателей, представителей свободных профессий от ювелира до дантиста, от водопроводчика до торговца мебелью, от каменщика до архитектора – то есть всевозможных налогоплательщиков, которые не справляются со своими должниками и у них накапливаются недоимки. Потому выбивание денег и стало профессией. Честные труженики рискуют обанкротиться. Главная причина разорений во Франции – это невыплаты по задолженностям, из-за чего каждый год исчезают десятки тысяч рабочих мест. А треть этих недоимок связана с переменой адреса, произведенной более-менее умышленно, и в этих случаях кредиторы совсем лишаются своих денег, если только не пускаются в бесконечные юридические разбирательства, притом что эта волокита обходится дорого, а благоприятный исход не гарантирован. Что касается крупных фирм, то они содержат собственные коллекторские службы, которые имеют преимущество перед судебными приставами, не имея их прав, однако форменное заказное письмо на бланке службы судебных приставов обычно производит впечатление, хотя и не всегда решает проблему, отнюдь нет.

Как раз поэтому Людо и отказывается называть свою работу «выбиванием долгов», она ему представляется скорее «восстановлением справедливости», по крайней мере, так он говорит себе, потому что постоянно чувствует потребность оправдываться. Лучше всего было бы вообще никогда не упоминать о ней, о своей работе. В любом случае у него нет привычки откровенничать с кем-либо.

За те два года, что он живет в Париже, он не завел себе ни друзей, ни знакомых и почти ни с кем не видится. Он достаточно независим от рабочего расписания, ходит три раза в месяц в свою контору на собрания по разбору полетов, но в остальные дни предоставлен самому себе. По большому счету он общается только с теми, кому «наносит визиты», с клиентами, в каком-то смысле они и составляют круг его общения. Его единственное наваждение – это наткнуться на классическую семейную картину: родители с детьми, мать с младенцем на руках, маленькие братишки и сестренки, путающиеся под ногами, отец, который остается на заднем плане... Когда ему подсовывают карапузов, выставляют их как щит, чтобы внушить ему чувство вины «вы же не поступите так со мной, ну да, у меня долги, но мне надо кормить четверых детей, вы же не сделаете такое с нами», его это обижает. Потому что он думает о детях, которых у них с Матильдой никогда не будет, и развернутое представление вместо того, чтобы растрогать, приводит его в бешенство. Он опасается, что однажды и в самом деле сорвется, но не из-за резкого слова или неосторожного жеста, а из-за этой низости, из-за отвратительной попытки разжалобить его, тронуть образом полной семьи – как раз того, чего в его жизни никогда не будет. В любом случае всякий раз, становясь перед чужой дверью, нажимая на кнопку звонка, он ожидает подвоха. Но, наученный горьким опытом, сейчас постоянно держит себя в состоянии неустанной бдительности, и, что бы ни случилось, что бы ему ни сказали или противопоставили в качестве довода, он больше всего следит только за одним: за тем, чтобы избежать третьей вспышки, третьего приступа ярости.

Раньше на высоких ветвях жила пара горлиц, в погожие дни их воркование разносилось по всему двору, смешиваясь с посвистом дроздов, с прочим разрозненным чириканьем, и это было так свежо и так приятно слушать. Только вот, вернувшись из последнего отпуска, Аврора обнаружила кучки рассеянных под деревьями бежевых перьев, а подняв глаза, наткнулась на пару черных птиц, на двух огромных, блестящих, как металл, воронов. И с того дня больше не было слышно воркования горлиц, они их прогнали. Или сожрали.

– Но в конце концов, Аврора, это ведь всего лишь птицы!..

Когда доверяешься подруге, ждешь, что она с тобой согласится, все поймет с полуслова, но с Андреа явно не тот случай. Андреа уже третий год живет в Индии. Под предлогом того, что ее линия одежды провалилась, она изменила свою жизнь, обосновалась где-то в окрестностях Мадраса и зажила так

называемой аутентичной жизнью, гораздо более близкой к истинной жизни. Она приезжает в Париж всего два раза в год, и тогда подруги снова видятся. В каждый приезд Аврора находит ее чуть более чокнутой, чуть более просветленной и совершенно разучившейся слушать.

– Жизнь – это приближение к тому, что мы есть на самом деле, а ты, Аврора, кто угодно, но не деловая женщина. Для тебя это слишком жестоко, с моего места мне лучше видно, бизнес – это когда ты пожираешь других или когда тебя пожирают...

Возвращаясь на работу, Аврора решила, что будет лучше больше ни с кем не говорить об этих птичьих историях, из-за которых ее в конце концов примут за сумасшедшую. Однако сегодня вечером ей еще предстоит пересечь двор, открыть окна в страхе обнаружить воронов прямо перед собой, потому что, даже когда она хлопает в ладоши, те не улетают – ну разве нормально сносить такое? Покопавшись в Интернете, она выяснила, что в Париже одни представители фауны заменяют других, что из-за изменений климата птицы будут становиться все больше и больше. Люди уже привыкли к разным видам чаек, а теперь вот появились вороны, и все они разгоняют воробьев и ласточек, можно подумать, что у природы нет других забот, кроме как продемонстрировать право сильнейшего.

На каком-то научном сайте она также прочитала, что вороны числятся среди самых умных живых существ, по своим способностям они превосходят даже приматов, потому что умеют пользоваться разными уловками и хитростями. В Японии наблюдали, как они кладут наиболее крепкие орехи на дорогу и ждут, когда по ним проедет машина, а потом подбирают кусочки мякоти среди раздавленных скорлупок. Такое хитроумие ужаснуло ее, быть может, из-за этого образа, из-за этих раздавленных орехов на дороге. Она не раз искала на форумах способы прогнать птиц, но единственное, что ей попадалось, это более-менее фантастические или совсем бредовые сообщения всяких доброхотов. В которых пересказывались всевозможные суеверия и верования о том, что вороны приносят несчастье, что, если они поселились рядом, это всегда не к добру, и все это подкреплялось кучей рассказов о том, что эти твари живут на земле, чтобы предавать человека. Ведь первой птицей, выпущенной Ноем на разведку в конце потопа, был именно ворон, который так и не вернулся и не рассказал, что мир освобожден, потому что был слишком занят пожиранием исторгнутых водой трупов.

Но сейчас все находит в ней странный отклик, отдается эхом, все это ее тревожит уже с сентября. Уже два больших заказа аннулировала «Галерея Лафайет», а затем эта поставка в Азию – тысяча двести платьев, костюмов и бюстье загадочно испарилась, и о них нет ни слуху ни духу. Три настоящие неприятности, влекущие за собой крупные финансовые потери. В следующем месяце не хватит свободных денег на зарплату ее работникам, а банк грозит прекратить финансовую поддержку, как это сделали бы и все прочие банки; им больше неинтересно ссужать деньги, наоборот, сегодня они сами их ищут, они нуждаются в собственных средствах, чтобы играть на фондовых рынках, так что теперь, когда она просит о продлении срока, у нее возникает чувство, что она клянчит милостыню. Но самое худшее во всем этом – поведение Фабиана, ее компаньона, который остается до странности спокойным; иногда она даже задумывается: а не заинтересован ли он каким-либо образом в этих неудачах? Хотя Фабиан не только компаньон, но ее давний друг, с которым она познакомилась еще в «Эсмод»[1 - Esmod – первая в мире школа моды, основанная во Франции в 1841 году Александром Лавинем.]. Тогда-то они и сблизились, а потом вместе пустились в эту авантюру, основав собственную компанию. И правда, восемь лет все шло хорошо: он был коммерческим директором, она стилистом, восемь лет тянула лямку второго пилота, обеспечивая две коллекции в год и умножая количество продаж, – совершенное сотрудничество. Но в последнее время она как-то перестала чувствовать Фабиана, уже не узнает его: он вбил себе в голову перейти на высшую скорость, говорит о больших объемах и снижении издержек, убежденный в том, что для удержания рынка «надо расти, причем быстро». С тех пор как он два раза съездил в Гонконг и встретился там с людьми (она не знает, с какими именно), его новой целью стало выйти на новые рынки, опираясь на какую-нибудь крупную группу, искать возможности для роста в других местах и воспользоваться имиджевым капиталом, чтобы диверсифицировать продукцию. Он даже говорил о том, чтобы создавать сумочки, по крайней мере попытаться, или духи. Фабиан отчасти напоминает Андреа, тоже стал совсем другим, резко изменился с годами.

Мир моды Авроре хорошо знаком, ей известно, на какое количество компромиссов надо идти, чтобы добиться успеха, и что порой приходится жертвовать прекрасными намерениями (из-за которых все и затевалось) ради того, чтобы получить хорошую рентабельность. В мире моды недостаточно создавать прекрасные модели, нужно также уметь их продавать, находить места для сбыта, маневрировать, чтобы войти в тот или иной круг, уметь договариваться, чтобы заполучить корнеры[2 - Корнер (от англ. corner, угол –

торговое пространство в мультибрендовом магазине или на интернет-сайте, отведенное под определенный бренд.] и отзывы в прессе. Чтобы стилисту преуспеть, одного таланта мало, нужны также обширные связи и умение обхаживать своего пиарщика, насчет этого она никогда не была наивной: «Чем больше ты говоришь людям, что любишь их, тем больше они притворяются, будто любят тебя...» Но только вот Фабиан теперь хочет уже не модой заниматься, а зашибать деньгу. Из-за чего ей приходится также как-то управляться со своими шестью сотрудницами, а они прекрасно видят, что между партнерами что-то не ладится и что Аврора все больше и больше встревожена.

Вот почему так хорошо возвращаться домой, в последнее время она постоянно ждет наступления выходных. Но в прошлый воскресный вечер во?роны уселись на балконном ящике для цветов всего в нескольких сантиметрах от окна ванной и не улетели, даже когда она его открыла. От страха ее охватила паника, нервы сдали, она закричала, стуча по стеклу, чтобы произвести как можно больше шума, но один во?рон перелетел на ветку чуть дальше от окна, примерно на метр, замер и стал пристально смотреть на Аврору. В дверь постучал Ричард, спросил ее, все ли у нее хорошо. Да, все хорошо, если не считать, что тем самым вечером она поклялась себе выжить отсюда этих птиц, даже если придется воспользоваться отпугивателями или чем-то еще, она больше не хочет терпеть их здесь. Она цеплялась за этот план, словно это могло все уладить, вернуть прежний порядок ее жизни. Однако Аврору мучили сомнения: даже если ей удастся их прогнать, как быть уверенной, что они не вернуться, как быть уверенной, что они улетят по-настоящему и больше ничто в ее жизни не разладится? Как избавиться от птиц навсегда, неужели придется их убить?

В конце концов, Людовику пришлось вернуться к мадам Салама. Еще на прошлой неделе, видя, как она достала старую растрепанную чековую книжку, он почувствовал подвох – и угадал, потому что подписанные ею чеки, которые он сам заполнил один за другим, оказались необеспеченными. И вообще ее счет в банке «Креди мютюель» был закрыт еще два года назад. Сильно. Вот почему сегодня вечером, выходя от нее, он чувствует себя подавленным, ему противно из-за того, что пришлось перегнуть палку, накричать на старуху, которая прикидывалась, будто ничего не понимает. Противно из-за того, что пришлось запугивать ее, даже требовать, чтобы она показала ему ящики комода, чтобы покончить с этим, потому что был уверен, там найдутся наличные. Его собственная бабушка прятала завернутые в целлофан деньги в самой глубине ящика, и мамаша Салама пользовалась той же хитростью. Там у нее

обнаружились аж четыре бумажки по пятьдесят евро, только она непременно хотела оставить их себе, наличные ей были нужны, чтобы ездить в больницу. А поскольку поездки на автобусе ее изматывали, она три раза в неделю позволяла себе такси. Так что Людовик не посмел прикоснуться к ее деньгам, они были для нее все равно что билеты на транспорт, чтобы повидать своего старикана, этого мужа, который никогда больше не вернется сюда, никогда не переступит порог своего милого домика, никогда-никогда, так что пускай эти поездки на такси продолжаются как можно дольше, годами, если возможно, для этого мамаше Салама и нужны эти рыжеватые купюры.

Столкнувшись со всем этим, Людовик рухнул своим весом в глубокое кресло перед журнальным столиком, вздохнул, потер лицо руками и ради установления более тесного контакта даже попросил рюмку портвейна. Затем от безнадежности перевернул ситуацию с ног на голову – поменялся со старушкой ролями, попросив у нее помощи.

– Анриетта, вы должны мне помочь, я вас умоляю, помогите мне, потому что иначе нас не ждет ничего хорошего. Послушайте, Анриетта, у вас ведь непременно где-то есть другой счет, я уверен, сберегательная книжка или счет в Почтовом банке, наверняка. Так я ошибаюсь или нет?

Вот потому-то сегодня вечером, выйдя от нее, он больше, чем когда-либо, нуждается в том, чтобы пройтись. И, покинув зону пригородной застройки, шагает через предместье по длинному проспекту, по одной из тех широких городских дорог, которые упираются в те или иные ворота Парижа. Людовика обгоняет автобус, на который ему следовало бы сесть, но он продолжает идти пешком через эти унылые, не блестящие жизнелюбием пространства с редкими жилыми кварталами. Мимо зданий без магазинов, мимо заброшенных фабрик. Он вдруг чувствует себя так далеко от долины Селе, так далеко от своей прежней жизни. Неужели все это существует в одном и том же мире? Он вспоминает о тишине, о том, что там можно часами шагать, никого не встретив. В конце концов, старушка достала-таки чековую книжку Почтового банка, и он снова начал выписывать чеки. На этот раз десять чеков по семьдесят евро (эту пиллюлю будет горше проглотить) заполнил он один за другим. А мадам Салама подписала, но уже без единого слова. Будто вдруг поняла, что так проще, по крайней мере ей больше не будут напоминать об этой истории. У нее и без того хватает драм в жизни, так что надо уладить хотя бы эту. Когда он встал, чтобы уйти, старушка не захотела проводить его до двери, осталась молча сидеть в гостиной, даже не посмотрела ему вслед. В этот момент больше, чем когда-либо,

она напомнила ему мать. Он почувствовал себя грязным из-за того, что устроил этой пожилой женщине такое кровопускание – семьсот евро, капля за каплей. Людовик ругает себя, быстро шагая, говорит с собой так, как никто с ним говорить не будет – его единственное преимущество, что он выше других на целую голову и весит больше центнера, – ему никогда не делают замечаний, даже когда он их заслуживает. Впрочем, если он начнет все себе позволять и воспользуется этим преимуществом как несправедливо полученной льготой, это станет опасно.

Двигаясь по большим магистралям, он старается вызвать в себе ощущение, которое переполняло его перед матчами – когда идешь в бутсах по коридорам раздевалок, слыша металлический стук своих шагов, чувствуя себя облаченным в броню, непробиваемым, полностью сосредоточенным на себе. Но все без толку: его по-прежнему настигает чей-нибудь взгляд, ощущение экзотичной скорби у женщины в бубу[3 - Бубу – африканская очень просторная и длинная одежда, представляет собой сложенный пополам и прошитый по бокам широкий кусок материи с отверстиями для рук и головы.], оклик продавца из торговых рядов, который заманивает покупателей, в этих не имеющих четкой границы городах человечность настолько утеряна, что простая улыбка либо приводит его в отчаяние, либо потрясает до глубины души. Париж – одна из самых маленьких столиц мира, закольцованная и почти совершенно круглая, но она превращается в бесконечную с тех пор, как пригороды начали зажимать ее со всех сторон – океан коммун без конца и края... Только после часа ходьбы он садится в один из тех автобусов, что обгоняли его с самого начала. Внутри шумно, здесь резвятся, переругиваются и задирают друг друга подростки; в том, как бузит эта мелюзга, есть даже какое-то буйство, какая-то неистовая агрессивность, но даже не умышленная, это просто желание взорваться, выпустить пар, которое он и сам испытывал в их возрасте. Но у него-то были места, поглощавшие все эти рывки и толчки, тропинки для горного велосипеда, пустынные дороги, долины, которые не охватить взглядом, так что окружающие не страдали от их подростковых кризисов. А здесь им некуда деться, вот они и донимают друг друга, беспрестанно обмениваясь тумакami. Ему неуютно стоять среди этой ватаги школьников, устроивших в автобусе бардак, потому что замкнутое пространство давит на них. Никто ничего не говорит, нейтрализовать их можно только юмором, словом, но сегодня у него нет желания, не хочется даже прикрикнуть на них, они это воспримут как провокацию и завопят еще громче. Хотя он знает, что достаточно сграбастать одного и изолировать от стаи, например вот этого маленького придурка прямо перед ним, который, повиснув на поручне как на турнике, вертится и пинает остальных, однако никто не реагирует и они все действуют ему на нервы...

– Прекрати!

Они смотрят на него как на психа, как на старого козла, который корчит из себя ковбоя, чувствует, что они колеблются, выдерживают его взгляд, этим все и ограничивается.

С этого момента он цепляется за одну цель: вернуться к реке, потому что он совершенно потерял в этой метрополии, в которой ничего не понимает, а Сена – его единственное убежище, единственный островок свободной природы, она и сама постоянно стремится покинуть Париж.

Когда целый день мотаешься из одного пригорода в другой, пересаживаясь с метро на RER[4 - RER (Reseau Express Regional d'Île de France) – Региональная скоростная сеть Иль-де-Франс.], потом на автобус или электричку, осознаешь, что на самом деле город безграничен. За Парижем следует Нуази, за Вильмомблем и Ганьи – Ножан. Проще всего всякий раз проезжать через Париж – ось центрифуги, центр всего. Из-за стольких разъездов он к вечеру так пресыщается улицами и зданиями, перекрестками и домами, что ему требуется непременно выйти к Сене, чтобы вновь обрести свою территорию, место, где он бросил якорь. Присутствие этой реки прямо рядом с его домом дает ему чувство, что он не совсем отрезан от естественного порядка вещей. В городе река – единственная природная стихия, которая заставляет безусловно признать себя, от которой не отмахнешься, которая определяет все. В городе все начинается с реки, все к ней же и возвращается; подобно реке в сельской местности, это самый исток выбранных для жизни мест. К тому же квартал Арсенала – словно отдельный мирок посреди Парижа. Мирок старых камней и спокойных улиц, ни кафе, ни магазинов, вечером тут так же спокойно, как и в провинциальном городке. Тут он не чувствует себя слишком оторванным от родных мест, словно эта обветшалость сводит на нет витающий в центре Парижа спесивый шик. Он обнаружил, что парижане тоже отождествляют себя с определенной территорией, обычно привязанной к какой-нибудь улице или станции метро. В Париже люди говорят про себя, что живут в таком-то или сяком-то квартале, как сказали бы в деревне. Дом, в котором он живет, со стороны улицы полностью отреставрирован. И наоборот, во флигелях, которые расположены в глубине двора, совсем другая атмосфера: обшарпанные фасады и протекающие водостоки, а жильцы тяжело дышат на крутых лестницах; в этом мирке плата за жилье осталась на уровне 1948 года. На третьем этаже с начала Второй мировой

войны живет армянка, над ней – старая дева семидесяти восьми лет, которая рядом с ней выглядит почти молодой, и маленькая старушка с двумя кошками. На третьем живет еще одна женщина, такая незаметная, что никогда не знаешь наверняка, дома она или нет, а в студии два студента – двадцатилетние парни, которые громко включают музыку. Время от времени Людовик покрикивает на них, чтобы успокоить старичков, особенно девяностолетнюю парочку со второго, они уже не слишком в форме, но все еще скрипят себе потихоньку, еще держатся за жизнь, чтобы не покидать свое жилище.

Самое поразительное в квартале – все эти пустующие квартиры, окна без света, настоящая странность в Париже, где не хватает жилья. В отремонтированной части дома четыре большие квартиры, две из которых сдаются по понедельно, но, поскольку там нет ни кондиционеров, ни лифта, они не пользуются большим спросом и часто пустуют. Время от времени там проводят по несколько дней туристы; когда они вселяются или съезжают, слышны звуки, которые издают их чемоданы и сумки на колесиках; но это мнимые соседи, исчезающие так же быстро, как и появились, а потом неделями опять ничего. В левом крыле квартиры даже не сдаются, они все необитаемы, их владельцы абстрактно блуждают по разным сайтам, сравнивая стоимость квадратного метра и все ожидая, когда вновь начнется рост и цены поползут вверх. Преимущество этого дома в том, что он спокойный. Насчет остального Людовик не задает слишком много вопросов, эти инвестиционные игры на квадратных метрах, которые стоят в десять раз дороже, чем гектар жирной земли, выше его понимания, как и многое здесь, в Париже.

Окна на его лестнице плохо закрываются, ступеньки скрипят. Чтобы сделать свою квартиру пригодной для жизни, он произвел минимум работ: подлатал трубы центрального отопления и поставил новую душевую кабинку, поскольку в прежней лилось из всех щелей. Порой кто-нибудь из соседей по лестнице «С» зовет его на выручку, потому что все видели, как он что-то мастерит и что у него даже есть сундучок с инструментами, которыми он умеет пользоваться. Людовик уже не раз выступал в роли спасителя, то закрепляя разболтавшуюся раковину у одного, то прочищая сифон у другого, а у маленькой старушки, живущей рядом, даже заменил все розетки, хотя терпеть не может возиться с электричеством. Неоднократно выручал соседей, зная, что в Париже любая поломка воспринимается как драма: простой засор раковины умывальника, протечка, переставшая открываться дверь здесь сразу же принимают гигантский и неизбежно разорительный масштаб. Хотя это всего лишь часть жизни. Вещи ломаются, чинятся, одно вытекает из другого. В фермерском хозяйстве вечно приходится что-то чинить, мастерить, ко всему прикладывать

руки, в деревне он даже постоянно этим занимался.

Свою двухкомнатную квартирку он снимает за шестьсот евро, на его взгляд, это непомерно дорого, хотя на самом деле ему здорово повезло. Это жилье нашел ему сам босс – при взыскании долгов есть немало способов улаживать дела. Когда его спрашивают, чем он занимается, он говорит, что юридическими консультациями. В любом случае он от природы не болтлив, да к тому же глубоко комплексует из-за парижан. Они дают ему почувствовать, что он нездешний. Пригороды в этом отношении не лучше, даже если со временем он чуть больше узнал о них, там в ходу совсем другие условности и правила, в которых он тоже ничего не смыслит. Хотя Людовик довольно быстро догадался, нанося свои визиты, что его частенько принимают за легавого – из-за кедров. Уже не раз задохлики в едва прикрывающих задницу штанах устраивали себе игру, задирая его, просто потому, что сбиваются в стаю, это он тоже сразу же сообразил, а стайные рефлексy заразительны как в зоне пригородной застройки, так и в городах, где быстро замечают чужака, даже быстрее, чем в деревне. Никогда бы ему не пришло в голову, что на окраинах большого города непрошеного гостя засекают так же быстро, как и в убогой деревушке, но в обоих случаях проявляют одну и ту же подозрительность. Иногда, едва сойдя с электрички или пригородного автобуса, он уже знает, что за ним наблюдают, как за незнакомцем, который прогуливался бы вечером по берегам Селе. Он вполне это чувствует, ведь там, куда идешь, оказываешься в другом месте, а значит, приходится быть вечным чужаком.

Аврора толкает дверь дома в девять часов вечера. Из-за бесконечных объяснений с экспертом-бухгалтером ей пришлось поздно уйти с работы, она устала до изнеможения и уже готова нырнуть в темноту своего двора, но тут ее неожиданно со всех сторон заливают светом, потому что горят все наличные лампы: та, что над входом, и другая, у решетки, и даже дальняя, что в глубине двора. Никогда еще все дежурные лампочки не зажигались одновременно. Однако хуже всего карканье, которое становится все громче по мере того, как она идет по вестибюлю – яростное, оголтелое, словно пернатые совершенно обезумели. «Если вороны дерутся, это предвестие великих бедствий», – прорицали то ли римляне, то ли греки, она уже не помнит, потому что гвалт стоит такой, что дальше некуда, птицы возбуждены даже больше, чем когда-либо, совсем сошли с ума из-за кутерьмы, переполошившей весь двор. Она резко толкает решетчатую дверь вестибюля, возмущенная этим столпотворением, и натывается на невероятную сцену: разросшиеся вокруг деревьев кусты ходят

ходуном, словно там мечутся, колебля покрывающий стволы плющ, какие-то ополоумевшие животные, она слышит их завывания, зловещие вопли, которые удешаиваются карканьем воронов, и конца этому не предвидится... Тогда она бросается вперед и, преодолевая страх, лупит изо всей силы сумочкой по листе, желая прогнать этих обезумевших тварей, устроивших там драку, но вдруг посреди кустов выпрямляется какой-то мужчина. Для нее это полнейшая неожиданность, все равно что столкнуться нос к носу с грабителем. Листья отчасти закрывают ему лицо, но она узнает соседа, с которым не любит встречаться, и этот тип пялится на нее с ухмылкой – столь же леденящей, как истошные крики воронов наверху.

– Какого черта вы тут делаете?

Не желая поддерживать разговор в таком тоне, Людовик хранит совершенное хладнокровие. Для того, кто грубо на вас нападает, нет ничего хуже спокойствия противника. На верхних ветвях деревьев вороны орут как оглашенные, негодую, что их потревожили, карканье становится все истеричнее и ощутимо пронзительнее. Людовик крутит плечами, выбираясь из кустов, чьи ветки переплетены так густо, словно это живая изгородь, и вылезает оттуда, весь в листьях плюща и веточках, зацепившихся за свитер, потом перешагивает низенький заборчик, который опоясывает эти маленькие джунгли, и поднимает руки, чтобы продемонстрировать пару кошек, которых держит за шкурку. Бедные животные висят, как два вредителя, угодившие в ловушку. Он поднимает их довольно высоко и приближается к Авроре.

– О нет, только не держите их так! Вы же делаете им больно.

– Не беспокойтесь за них.

Мяуканье кошек, карканье воронов и этот тип, топчущий ее цветы, – все это чересчур для нее... Она взрывается:

– Вам тут нечего делать, тут полно цветов, которые я посадила...

– Да не трогаю я вовсе ваши цветы, я всего лишь кошек отсюда забираю, они удрали от мадемуазель Мерсье, маленькой дамы с четвертого, она аж заболела, когда они пропали. Только надо полагать, никуда бы они не делись, кошки вообще-то трусоваты.

Не слушая его, Аврора осматривает края клумбы, проверяя, уцелели или нет ее гиацинты, кустики петрушки, шалфея и базилика, она так зла на этого вандала, что дрожит. Людовик наблюдает за ней, по-прежнему держа кошек в руках.

– Вам бы тут проредить все это надо, не стоит сажать другие растения так близко к самшиту, это губит корни, знаете, самшит ведь ядовитый...

– Что вы в этом смыслите?

– Я что хочу сказать, вам стоит его подстричь, даже деревьям ветви подрезают, когда они до крыши достают, а то греха не оберешься, случись ветер посильнее...

– Вы что, тут хозяин?

– Нет, но в деревьях неплохо разбираюсь.

Он ответил ей с раздражающей улыбкой. Так улыбается тип, который ничем не смущается и бесит своей самоуверенностью. Самым возмутительным для Авроры были эти кошки, которые извивались в вытянутых руках, пытаясь его оцарапать, две бедные зверюшки, угодившие в лапы к этому извергу, а еще эти непрекращающиеся карканья наверху, такие же оскорбительные, как ухмылка этого человека, можно подумать, что между ними есть что-то общее. Она впервые видит вблизи своего соседа и понимает теперь, почему до сих пор никогда с ним не здоровалась.

Людовик поднимает голову в сторону птиц и бросает словно в шутку:

– Похоже, вы их раздражаете.

– Раньше здесь не было воронов.

– Когда раньше?

– Раньше... Можно подумать, что вам нравится их дразнить.

– Да нет, я, знаете, люблю природу. И вот доказательство, – сказал он, кивнув на кошек, – все что мяукает, кричит, каркает – это жизнь!

Аврора снова берет за пакеты из магазина, возмущенная тем, что приходится терпеть такую пытку в своем дворе. Эти вопли, этот тип, эти мяуканья... сегодня вечером собственный двор ее совершенно затерроризировал.

– Держите их как следует, вы же делаете им больно, я вам уже говорила.

– Не беспокойтесь за них, я с кошками умею обращаться...

– Вы всегда такой всезнайка?

– Похоже, до вас мне далеко.

Аврора повернулась, чтобы устремиться к лестнице «А», но он успел-таки ее спросить:

– А вы уверены, что это вороны? Я бы сказал, что это скорее черные вороны. Хотя ладно, вороны еще хуже, они плотоядные и нападают...

Аврора нырнула в освещенный подъезд и взбежала по лестнице, по всем шестидесяти восьми ступенькам, если считать и пять первых, относящихся к крыльцу. Взлетела, клопоча от гнева, убежденная, что на сей раз она больше не в безопасности, не ограждена ни от чего, раз насилие настигло ее даже в собственном дворе, в единственном месте, где она чувствовала себя защищенной, вплоть до сегодняшнего вечера. В конце концов, говорит она себе, придется купить тот баллончик со слезоточивым газом, который она видела в Интернете, на этот раз ей нужен предмет, который внушит ей уверенность, пусть даже придется опрыскать из него хоть самих воронов, как и все то, что проявляет агрессивность, на этот раз она готова уничтожить их всех, перестать защищаться и начать нападать.

Ричард вернулся раньше нее. Всякий раз это становится у него поводом для гордости, что немного раздражает Аврору. Она бросила пакеты возле барной стойки, словно желая поскорее отделаться от безумия, захлестнувшего ее прямо

в собственном дворе. Прежде чем снять пальто, она немного перевела дух, чтобы покончить с этим скотским безобразием. Близнецы играли с Вани. Вечером, даже если Ричард приходил первым, Вани оставалась присматривать за детьми, пока не вернется Аврора. Близнецы были как-то особенно возбуждены: сегодня здесь присутствовал Виктор, их старший брат, сводный, проводивший здесь лишь часть времени. Развалившись на диване, он играл со своим планшетом, который близнецы постоянно пытались стянуть у него. Ричард опять был полностью погружен в телефонный разговор по беспроводной гарнитуре, так что, по всей видимости, никто здесь не слышал ничего, что творилось во дворе. Тоненький проводок от наушника совершенно терялся в волосах мужа, и из-за этого могло показаться, будто он говорил сам с собой. Ричард часто висел на телефоне, по большей части говоря по-английски и расхаживая взад-вперед по комнате, словно его собеседник тоже находится вместе с ним, просто не виден. В общем, Ричард, явно пребывая здесь, на самом деле был в совершенно другом месте. А поскольку телефон он всегда держал при себе, часто забывая снять наушник, то это создавало раздражающую двусмысленность: несмотря на свое очевидное присутствие, он, вполне вероятно, витал в какой-то другой сфере, наверняка поглощенный гораздо более захватывающей реальностью.

Не прерывая свой разговор, он подошел к Авроре, чмокнул ее, потом уселся на ковре в гостиной; должно быть, он обсуждал что-то с собеседником из Соединенных Штатов, судя по времени на часах, это скорее была Америка, чем Азия. Как это часто бывало, когда ему приходилось подробно излагать тот или иной свой проект, он жонглировал миллионами долларов, в то время как ей самой не удавалось добиться от своего банка увеличения кредита. Ричард по происхождению американец и говорил по телефону по-английски, но даже если бы он изъяснялся по-французски, это не стало бы яснее, поскольку профессиональный жаргон делал его речь совершенно невразумительной и недоступной для понимания непосвященных из-за того, что были напичканы загадочными оборотами бизнес-ангелов[5 - Бизнес-ангелы (business angels, англ.) – частные инвесторы, вкладывающие деньги в инновационные проекты на этапе создания предприятия в обмен на возврат вложений и долю в капитале.].

Вани нашла в телевизоре мультфильм, чтобы отвлечь внимание малышей. Те смеялись, рассеянно следя за действием, но при этом не переставали надоедать своему сводному брату, который постоянно отгонял их от себя. И все эти звуки создавали жуткую какофонию: смешение разных языков, акцентов, детских и взрослых голосов, шумов и музыки из мультлика... И хотя в этой квартире было шесть комнат, почему всем непременно надо было набиваться в эту? У Авроры

все еще отдавалось в ушах душераздирающее карканье, оглашавшее двор, наверняка оно до сих пор там звучит. Снимая пальто, она глянула в окно, желая проверить, горит ли там еще свет, но он уже погас, да и тот псих наверняка уже убрался вместе со своими кошками. Для уверенности она открыла окно и даже наклонилась – до ветвей, которые колебал ветер, было рукой подать. Листья еще не опали, японские лаковые деревья сохраняют их до поздней осени, их листва долго останется густой, только будет менять окраску, переходя от зеленого к желтому. По крайней мере, вороны больше не каркали, мяуканье стихло, свет погас, спокойствие вернулось. Глядя сквозь ветви, она искала глазами освещенные окна, пытаясь определить, где живет этот тип, на что прежде никогда не обращала внимания, но это было не так-то легко, потому что верхние окна загорали деревья, а на немногих видимых нижних висели шторы или занавески, что создавало впечатление мрачного мира с остановившимся временем. Аврора озябла и поспешила закрыть окно. Испугавшись вдруг, что этот тип сейчас наблюдает за ней из темноты своей квартиры, она бросила взгляд сквозь стекло, но не увидела ничего, кроме колеблемых ветром ветвей да запекшейся по ту сторону стекла ночи, и пришла к выводу, что у того окна непременно выходят во двор, но вот в какой именно? Тут к ней со спины подошел Ричард.

– Ты уверена, что все в порядке?

– Ты меня напугал, – солгала она.

Они вскользь обменялись поцелуем, нежным и привычным до автоматизма, Ричард все-таки улыбнулся ей той прекрасной улыбкой, перед которой, как ему было известно, никто не мог устоять, потом вернулся в гостиную и продолжил разговор со своим заокеанским собеседником.

Вани ушла сразу после девяти, рассерженная, что задержалась, но не осмелилась это сказать. Они все пятером направились к столу. Ричард был красив, часто морщил лоб, и это выражение сосредоточенности на его лице выдавало человека, который по-настоящему никогда не расстаётся с работой. Он регулярно уходил в свои мысли, хватался за трубку, даже не звоня, и был всегда настолько поглощен своими проектами, настолько сконцентрирован на своей идее или на телефонном звонке, который ему предстояло сделать, что в каком-то смысле это было оправданно. Его контора беспрестанно завоевывала все новые позиции, а он демонстрировал спокойное высокомерие американских инженеров, которые словно созданы для преуспевания, щеголял той прекрасной

англосаксонской непринужденностью, которой Аврора всегда в нем восхищалась. Не отрываясь от еды, он задавал детям вопросы, выслушивал их ответы и при этом просматривал одним глазом полученные сообщения. Она завидовала ловкости, с какой он переходил от одной темы к другой, но больше всего завидовала спокойствию, которое он сохранял в любых обстоятельствах. Ричард никогда не нервничал, она даже задавалась вопросом, не было ли это подлинной пружиной его успеха – просто никогда не нервничать. Ему было тридцать восемь лет и, став вице-президентом компании «Фаундпроджект», он обзавелся блистательным, хотя изрядно сбивающим с толку качеством: чем больше он взваливал на себя ответственности, тем ярче лучился своеобразной легкостью, даже его жесты приобрели текучесть. Аврора первой радовалась его успеху, однако знала, к чему приведет жизнь с мужчиной, который беспрестанно карабкается вверх, непрерывно стремится к все более высоким должностям и мечтает о том, чтобы жить между Францией и Соединенными Штатами – все это однажды заставит его смотреть на нее свысока. И правда, вот уже несколько месяцев она чувствовала, что Ричард больше не так рвется звонить ей по телефону и отвечать на ее звонки, а иногда вечерами признается, что даже не заметил ее сообщение. Хотя оно было отправлено ему еще в полдень, просто затерялось в общем потоке посланий, которыми он, по его словам, завален. И хотя это всего лишь мелочь, но вдруг осознать, что человек, с которым живешь, перестал замечать твои эсэмэски, больно задевает.

Хороший признак, когда тебя осаждают просьбами, это в тысячу раз завиднее, чем самому быть просителем, уж кто-кто, а Аврора-то хорошо это знает. Предприятие, которое Ричард основал со своими партнерами, недавно слилось с одной американской группой, они числятся среди лидеров по размещению стартапов в Европе, так что человек, с которым она прожила восемь лет, это тот же самый, только в тысячу раз более востребованный.

Тем не менее он всегда сполна играл свою роль отца, тем более что сегодня вечером его первый сын тоже был здесь, сегодня вечером с ним за столом были все трое детей, настоящая семья, и это переполняло его тем большей отцовской гордостью, что она проявлялась все реже. В мире, где всякий дрожит за свое будущее, где страх с каждым днем подкрадывается все ближе, Ричард был чудом, заражающим своими успехами. Но опасность состояла в том, что просьбы, с которыми к нему обращались, нисколько его не меняли: на прошлой неделе он на два дня укатил ради заключения какого-то соглашения, на следующей неделе улетит на три дня в Сан-Франциско. Хотя Аврора никогда об этом не говорила, в ней жила крепкая убежденность, что Ричард был ей верен. К тому же этого красивого, успешного, постоянно веселого мужчину с ясной улыбкой

было невозможно заставить врасплох и в чем-либо уличить.

Сегодня вечером Авроре хочется поговорить с мужем. Спросить, что бы он сделал на ее месте, столкнувшись с тем, что выплаты за поставленный товар все чаще задерживают, а заказы куда-то улетучиваются, но главное, что он сделал бы, если бы компаньон перестал с ним разговаривать... Только вот стоит ей поделиться своими сомнениями, как она переполошит всю свою семью, и внезапно Ричард будет видеть в ней только женщину с проблемами, мамашу, теряющую почву под ногами. Она не могла поговорить с ним. Он был из тех мужчин, которым нужно, чтобы его окружали преуспевающие люди, и она знала, что, стоит ей показать хоть малейшую слабость, пожаловаться, он уже наверняка не будет смотреть на нее как прежде.

- А ты знаешь, в чем разница между во?роном и воро?ной?

- Аврора, ты опять за свое...

- Так знаешь или нет?

Со временем Людовик вжился в роль. Часто играя невозмутимого, уравновешенного парня, который держит себя в руках, он чувствовал, что и обязан быть таким. Однако постоянно выдавать себя за хорошего малого довольно утомительно. Ему было прекрасно известно, что того человека, которым он старался быть, на самом деле не существует. Особенно сейчас. Париж сбивал его с толку. Сбивал с тех пор, как он поселился здесь, исподтишка, как ни в чем не бывало. Дни, проведенные в Париже, сжимали его как пружину, вплоть до того, что порой, возвращаясь вечером, он был готов сорваться, врезать кому-нибудь по-настоящему. Эта тупая работа, эти люди, которые окружали его всегда и повсюду, машины и снующие во все стороны пешеходы, постоянные толчки в толпе, раздраженность - все это держало его в напряжении. Вот почему пройтись и глотнуть воздуха было для него благом.

В долину Селе Людовик возвращался каждые пять недель, проделывал шестьсот километров и проводил там два-три дня, не больше. Ездил туда главным образом, чтобы повидать свою мать. По крайней мере, хотя бы он ею занимался. Остальным было не до этого: его сестре, племянникам, его зятю. Они работали по семьдесят два часа в неделю, были постоянно под давлением банков, цен на

говядину, метеопрогнозов и кучи задержанных бумажек. И так из года в год, держать ферму становилось все труднее, ни у кого больше не было времени заниматься матерью. Тем более что еще два года назад именно она готовила им еду и делала все по дому. По возвращении с работы всем оставалось только поставить ноги под стол, еда была приготовлена, постели тоже, но теперь, когда мать уже на это не способна, она стала для них обузой, еще одним мертвым грузом. Вот почему Людо продолжал ездить туда так часто, как только возможно, – чтобы не потерять контакт; семья это как сад, если им не занимаешься, все начинает расти вкривь и вкось, дичает и гибнет от заброшенности.

Что касается ведения дел на ферме, то Людовик ничего не говорил, не мешал им взвалить на себя кредиты (за новый трактор и хлев), сам бы он не стал этого делать, но они уверяли, что у них не было выбора. Если ты на земле предприниматель, а не хозяин, то ты уже не возделываешь землю, а эксплуатируешь ее. Его многое расстраивает, только он заставил себя не делать никаких замечаний, никаких упреков по поводу этой фермы, которая должна была принадлежать, конечно, ему. Семья – утлое суденышко, особенно на захолустной изолированной ферме в пяти километрах от ближайшей деревни, где несколько поколений живут бок о бок. Поэтому надо, чтобы кто-нибудь один, не подавая вида и сохраняя некоторую дистанцию, равномерно распределил обязанности, а иначе все пустятся кто в лес, кто по дрова и уже не выберутся. Несмотря на шестьсот километров пути, в Сен-Совёре он спал только две ночи, никогда не задерживался дольше, чтобы не быть семье в тягость, и до сих пор ему это удавалось. Вечерами он ложился позже них. Как только все оказывались в своих постелях, оставив его одного, он выходил покурить во двор. Снаружи все время звучала одна и та же партитура – неясный и сверчки, но сегодня не было луны, а стало быть, и никакого пейзажа, но он мысленно представлял его себе на двадцать километров вокруг, потому что знал тут все тропинки, все укромные уголки... Все-таки странное ощущение – знать почти до миллиметра свое окружение, хотя в Париже он едва различал квартиры напротив, например, квартиру той нервной красотки, раздражительной брюнетки, которую он видел курящей во дворе, она ходила вокруг деревьев примерно так же, как и он сам это делал. Было уже за полночь, все давно легли. В то время, когда он тут жил, он ложился раньше, не торчал перед телевизором, не делал ничего такого, ложился, по-настоящему с нетерпением ожидая завтрашнего дня, по-настоящему желая, чтобы поскорее наступило утро. Больше он уже ничего не делает как члены его семьи.

Всякий раз, приезжая сюда, он чувствовал, что мать становится все более отсутствующей, все более замкнувшейся в своем собственном мире, она вечно сидела в гостиной и вела себя так, будто время остановилось. Он каждый раз уводил ее на прогулку, только с ним она соглашалась пройтись по двору и даже выйти за его пределы. Мать так и не поняла по-настоящему, что Людовика здесь больше нет, что он не живет в Сен-Совёре. Завидев его в дверном проеме, она поднимала голову и смотрела так, будто он всего лишь утром вышел из дома, будто он по-прежнему работает здесь. Спрашивала его, как он провел утро, что делал, хотя не видела его неделями.

У нее отказывала голова, ее настоящее превратилось в день без контуров, где часы топтались на месте. Тем не менее были в ней и другие часы, которые продолжали исправно работать – те, что управляют ритмом времен года и полевых работ. Впору было подумать, что эта форма времени глубоко укоренилась в ней, это был своего рода неистребимый инстинкт, благодаря которому она точно знала, когда надо сеять, загонять животных, убирать сено и готовиться к грозе.

Когда он уводил ее на прогулку, они проходили по мосту и шли вдоль реки. Мать вцеплялась в его руку, и так он выгуливал ее больше часа, не быстро, но довольно далеко, по их собственной земле. Территория фермы занимала всю глубину долины, больше сорока пяти гектаров, это была целая полоса плодородной земли, довольно извилистая, повторявшая все извивы Селе. То тут, то там наружу выходили скалы, поднимая рельеф выше ста метров, и узкую долину обрамляли два отрога, превращая ее в настоящий каньон. Летом западный склон крал у них солнце и вечер тут наступал на два часа раньше, чем у других. А утром, поскольку гора на востоке была ниже и шире, солнце свободно взмывало вверх, и заря здесь занималась в те же часы, что и в остальных местах.

Целью каждой прогулки было дойти до бывшей чесальни. Старое здание, где раньше чесали шерсть, все еще стояло. Огромное, заброшенное лет пятьдесят назад. В свое время мать купила его единственно ради земли, на которой оно было построено, и все эти пятьдесят лет они с отцом собирались что-нибудь сделать с этой хороминой. Какое-то время там держали сено и пиломатериалы. Людовик поклялся Матильде, что однажды они там откроют гостевой дом – гостиницу для агротуристов. «Зеленый» туризм в здешних краях имеет перспективы, это было бы чем-то вроде деревенской турбазы с прокатом каноэ,

чтобы плавать по реке. Охотников заняться здесь «зеленым» туризмом было много, неожиданно размножились и те, кто был не прочь выкупить у матери бывшую чесальню, но только продавать она не захотела. Людовик всегда убеждал себя, что осуществит эту затею, которую они задумали вместе с Матильдой, – трудностей много, и работы предстоит немало, но бывают такие проекты, которые хранишь про себя, потому что они помогают жить.

Возвращаясь на ферму после настоящей долгой ходьбы, он фактически поддерживал свою мать, чуть не нес ее на руках, а она висела на нем всем своим весом, словно сломанная кукла. Прильнув подмышкой к предплечью своего сына, она цеплялась за него и что-то говорила себе немymi фразами, но что именно – никто не знал. Быть может, она и сделала своего Людовика таким внушительным, чтобы виснуть на нем, как марионетка.

Вернувшись на ферму и все еще не отпуская руку своего сына, Жизель неловко надевала свои мягкие домашние тапочки. Этим утром они прошагали больше часа, обошли всю чесальню вокруг, хотя обычно с дочерью или зятем она едва соглашалась сделать три шага по двору. Уже два года она проводила дни в своем кресле, глядя в окно, уставившись туда как во включенный телевизор. Все-таки это было нечто: проводить вот так целые дни, испарявшиеся в полном молчании. Иногда она принималась говорить, говорила, что какая-то корова спаслась, или воскрешала бог знает кого, папашу Торьяка, например, который был их ближайшим соседом, жил от них всего в трех километрах, или почтальона на мопеде с вечной сигаретой во рту, не заезжавшего к ним уже тридцать пять лет. Днем ей обычно включали телевизор, начиная с тринадцатичасовых новостей. Это ее привлекало, тринадцатичасовые новости были чем-то вроде прогулки за пределы кантона, туда, где росли такие же цветы, что и здесь, но экзотика состояла в том, что там другие пейзажи, другие крыши у домов. Только по окончании новостей она всегда отворачивалась от экрана и ее взгляд терялся в настоящих окнах. Надо сказать, что в большой комнате шесть окон, откуда видны почти все владения фермы, кроме юга, потому что южную сторону закрывает стена кухни с камином, но зато видны возделанные поля на западе, огороды на востоке, видна также отчасти река и высокие скалы, если поднять голову. Таким образом, невидимой оставалась только южная сторона с хлевами, но по звукам, доносящимся оттуда, можно было догадаться обо всем. Коров они держали не больше пятнадцати, вечером те сами смиренно возвращались, как дрессированные, будто Людовик, которого они слушались, по-прежнему был здесь, хотя он оставил все это уже два года назад, оставил с горечью человека, вынужденного покинуть родные места. Ему было больно видеть, как молчит его мать, но, когда она принималась говорить,

становилось еще мучительнее.

– Знаешь, это счастье, что ты здесь, потому что твоя сестра с Жилем хоть и храбрятся, да все попусту, без тебя им не справиться.

– Мама, ну что ты такое говоришь... Ведь папа же им помогает, верно?

– К счастью, ты здесь.

На этом Людо всякий раз прерывал разговор, никогда не зная, должен ли он проявить инфантильность, повести себя с матерью как мальчишка, который ничегошеньки не понимает, и в сотый раз сказать ей, что больше здесь не живет, что его сестра с мужем не так уж плохо справляются, снова сказать ей, что отец, несмотря на свои восемьдесят два года, встает с рассветом, занимается и телятами, и овощами, и водит трактор, как никто другой... Слыша, как она несет вздор, он не знал, какую позицию ему занять: должен ли он огорчить ее, сказав, что завтра уедет, потому что живет в Париже, повторить, что в любом случае им здесь всем вместе уже не прожить, оттого что доходы со временем все больше снижаются, что кончились времена ферм, устроенных на старинный лад, где занимались всем понемногу... Но как втолковать ей, что все эти схемы, работавшие тысячелетиями, сегодня больше не годятся? Она не сможет это понять.

Но больнее всего мать делала ему, спрашивая о Матильде: «А почему Матильду не видно?», «Матильда сердится?», в то время как та уже три года лежала на кладбище.

Аврора застряла на этом бесконечном ужине, с которого ей никак не удавалось вырваться, у нее даже возникло ощущение, что она угодила в ловушку среди всех этих громко говоривших мужчин. После аперитива она решила, что ничего не выйдет. Она украдкой скосила глаза на свой телефон: никаких вызовов, никаких сообщений. Она чувствовала себя далеко, очень далеко от своего дома – три часа езды на поезде плюс час на машине, целый час по автостраде вдоль нефтехимических комплексов долины Роны, она целый час смотрела, как мимо проплывают чередой промышленные объекты с султанами странных дымов, и заводы не такие уж призрачные, поскольку все еще дымят, но в стиле конца эпохи. Этим вечером больше, чем когда-либо, она чувствовала себя несчастной,

выброшенной на дождливый холод в самом центре города Анноне.

Ее экспресс ушел сегодня утром в семь часов из Парижа с Лионского вокзала. Встала она в пять. Это целая проблема – создать кутюрные модели из новых фибровых материалов, создать изысканный сплав стильного рисунка и технического текстиля, тут требуется проявить всю свою индивидуальность, но при этом не терять бдительности. Чтобы присматривать за всем, она хотела организовать пошив исключительно во Франции и как можно ближе к Парижу, насчет этого правила она не собиралась уступать. Это было для нее даже больше, чем делом принципа: она хотела иметь доступ к производственным линиям, контролировать процесс от начала и до конца, а не ждать по три недели, пока готовый товар доставят в контейнерах с другого конца света. А главное, она по-человечески не представляла себе, как можно доверить изготовление своих моделей измученным девчушкам, которых заставляют работать по семьдесят часов в неделю. И напрасно Фабиан демонстрировал ей всевозможные цифры, она так и не отказалась от своего первоначального намерения наладить производство во Франции. Раньше партнер всегда за ней следовал, был согласен во всем, но в последние полгода пытается вести двойную игру с новым партнером, дистрибьютором, который утвердился одной ногой в Европе, а другой в Азии и убедил его, что им просто жизненно необходимо перенести производство за границу. Так что Фабиан предоставил Авроре самой разбираться с этими разъездами, наверняка ожидая, что она сядет в лужу, допустит промах. Как здесь, на этом ужине со специалистами по хай-текковому фибротекстилю, с представителями коммерческих отделов, которые привыкли тоннами поставлять свою продукцию изготовителям спортивной и рабочей одежды, с профессионалами, обладающими уникальным опытом в изготовлении тканей для парашютов, лыжных комбинезонов и спасательных покрывал, но отнюдь не для изящных бюстье или запашных жилетов. Однако она хотела как раз этого: все время быть новатором, вводить в моду новшества, неизвестные доселе материалы, рискнуть с новыми фибровыми тканями, например. Со своей стороны, и поставщики нашли бы в этом свой интерес: работать над небольшими партиями моделей, делать изысканные и элегантные вещи на основе их ультрасовременных полиэстеров могло бы стать настоящим призом для них, внести разнообразие в их огромные механические заказы на десятки тысяч штук; некоторым образом это стало бы их новым достижением – производить дорогие, утонченные и изысканные модели... Впрочем, они слушали ее с самого полудня, отнеслись с уважением, и она хорошо чувствовала, что они были готовы работать с ней. Она ни секунды не сомневалась в их мотивации, но только чем дольше длился день, тем больше у нее создавалось впечатление, что все не так просто. Несмотря на добрую волю, от них многое ускользало. Они

плохо представляли себе дизайн тканей, которые были у нее в голове, и их раскрой, да к тому же ее за этим столом по-прежнему окружали шестеро мужчин, только их бухгалтер была женщиной, но еще более резкой, чем они, гораздо более подозрительной и закрытой. Терпя этот нескончаемый обед, Аврора убеждала себя, что если они такие шумные и так громко говорят, то в конце концов это из-за их работы, ведь эти люди выпускают километры фибровой ткани, невесомой, конечно, но на машинах настолько чудовищных и гроыхающих, что и сами отчасти стали похожими на них. Ведь они целыми днями видят только это: ткацкие станки, которые весят тонны и грохочут как забивающий сваи копёр. Это потрясающе, наблюдать, как начиная с нити толщиной в несколько микрон в цехах площадью сорок тысяч квадратных метров с лишним разворачивается колоссальная и оглушительная производственная цепь, вытягивающая из дымящихся автоклавов катушки более двух метров высоты. Прекрасная иллюстрация парадокса, ставшего их неотъемлемой принадлежностью: примирять легкое с тяжелым, создавать гиперпрочное из наитончайшего. А поскольку она была стилистом, то это ее очень интересовало.

В общем, после целого дня, посвященного тому, чтобы быть услышанной, вечером ей пришлось еще и бороться с шумом за столом, где смешивались между собой три параллельные беседы и раздавался смех. Аврора все твердила себе, что у нее не получится, и снова, больше чем когда-либо, чувствовала непонимание, которое испытывает всякий дизайнер перед этими промышленниками, и эту добрую волю, которая необходима, чтобы они сблизилась. Временами это ее выматывало, потому что все приходилось делать конкретным. Ведь так легко нарисовать модель на белом листке, платье податливо, пока оно всего лишь набросок на бумаге, проблемы начинаются только потом. Теперь, когда она должна противостоять всему этому в одиночку, уверенно выбирать, не ошибаться, торговаться за расценки с каждым поставщиком, сражаться с каждым клиентом стало еще сложнее. И так будет до тех пор, пока она не сломается, не рухнет или не скажет Фабиану: «Ладно, принимай эстафету, будем производить в Болгарии, в Китае, где хочешь, но я так больше не могу...» Откуп за свою независимость – это было конкретное давление, физически тяготившее ее плечи, фирма лежала в основном на ее плечах и на протяжении полугода она тащила ее на себе совсем одна: создание, производство, все проблемы... Бывали вечера, когда она чувствовала, что уже изнемогает.

– А почему вы не хотите поделиться с ними своими идеями?

– Простите?

– Ну да, вы же прямо-таки кишите идеями, мадам Десаж, надо бы вам кое-что из этого им предложить.

– Я вас не понимаю, кому им?

– Да производителям лыжных комбинезонов! Или «Эртексу»: ткани для парашютов, расписанные Авророй Десаж, чертовски взлетели бы в цене, а значит, стали бы еще легче!

Они засмеялись. Всю вторую половину дня она говорила им о скромных костюмах из эластичной саржи, а они ее отсылали к своему «целевому ядру», то есть к клиентам, составлявшим основу их бизнеса, которые заказывали ткани километрами. А чувствовали они себя такими сильными, потому что техническая фибра в одиночку несла на себе всю текстильную отрасль Франции и побеждала при экспорте, что уже не удавалось классическим ткацким фабрикам, которые все позакрывались.

Перед десертом они захотели сыра. Крутили тяжелый поднос с широким ассортиментом, и у нее возникло впечатление, будто все давало ей понять, что ей тут нечего делать, что все ее осуждало, что она должна быть скорее дома. Хотя бы потому, что сегодня вечером Ричард в Лондоне, а Вани все меньше и меньше нравится оставаться в квартире после восьми часов вечера и одной проводить ночь с детьми. Она говорит, что ей страшно в этом старом полупустом доме посреди Парижа, она дрожит в этих старых камнях из-за грабителей, из-за призраков. А с тех пор как она увидела там воронов, стало еще хуже, няня утверждала, что нехорошо спать рядом с их гнездом. «В Шри-Ланке этих «джунглевых воронов» не любят и боятся, как чумы, у них когти длинные, как клюв...» Если бы остальные жильцы дома ее слышали, она бы их всех переполошила, только Ричарду удавалось посмеяться над нянькиным вздором, он ее нарочно подначивал, зная, что она обязательно хватит через край: «А еще они болезнь могут накликать, вот сами увидите, когда у малышей понос случится, точно вам говорю...»

Вчера, оказавшись между нянькой с ее страхами, своим ускользающим компаньоном и Ричардом, который не ночевал дома, Авроре пришлось проявить

твердость, чтобы не отменить эту поездку, найти силы, чтобы узаконить свое право. Ее работа ничуть не менее важна, чем работа Ричарда, а в некотором смысле даже более необходима. Он сделал свою карьеру в большой группе, в структуре, где полномочия равномерно распределены среди сотрудников, тогда как под началом Авроры было шесть непосредственно зависевших от нее работников и все лежало на ее плечах. Всякий раз при посещении какого-нибудь завода она была вынуждена уезжать на целые сутки, но это было очень важно – посещать поставщиков, видеть ткани на месте, все досконально объяснять изготовителям, ради уверенности, что ее хорошо поняли.

После десерта пришлось еще взять кофе и две водки. Ее посадили в конце стола, рядом с инженерами и генеральным директором, но, хотя они и относились к ней как к важному клиенту, всем было прекрасно известно, что она предлагает им работать с ничтожными объемами. Тогда, чтобы набить себе цену, ей пришлось убеждать их, здесь и сейчас, с рюмкой сливовой водки в руке, что для них было бы весьма лестно щегольнуть образчиками кутюрной одежды в своем каталоге, это повысило бы их до ранга поставщиков престижных товаров, да и в делах они тоже нашли бы свою выгоду. Только в отношении расценок они оказались несговорчивы и даже после двух часов за столом стояли на своем, говорили с ней так же, как в течение года торговались с клиентами, делающими многокилометровые заказы, так что ее доводы не достигали цели. Чем больше все это затягивалось, чем больше выпивалось рюмок под кофе, тем увереннее они брали над ней верх. У Авроры возникло чувство, что их смех подавляет ее, это было то же самое чувство, которое донимало ее вот уже два месяца – ощущение, будто над ней нависают. И это приводило ее в полную растерянность, даже сегодня вечером за этим столом ей с трудом удавалось скрыть свое смятение, ведь по сравнению со страхом, который беспрестанно растет в тебе, ты становишься такой маленькой. Иногда, всего лишь отступив назад, она прекрасно чувствовала, как хрупки все части ее жизни: компания, близнецы, брак с Ричардом, который все чаще бывает в разъездах и поднимается по карьерной лестнице все выше, он уже так высоко, что становится недоступным. И она сама, рвущая себе жилы, чтобы дело продвигалось, чтобы стясти деньги с клиентов и заплатить работникам. Рвущая себе жилы ради того, чтобы вновь мотивировать своего компаньона, подозревая, что тот готовит ей подлый удар в спину. Рвущая себе жилы, чтобы успокоить других, продолжая создавать модели и снижая издержки... Да, иметь свой бренд – прекрасное приключение, но в нем нет ни малейшей легкости.

Она вышла на крыльцо покурить, блуждая взглядом по этой большой, погруженной в темноту площади, где только иней высвечивал асфальт. Не

считая нескольких машин, ресторанный стоянка была совершенно пуста. Аврора озябла, и тут вместе с холодом к ней пришла догадка: в ее жизни что-то разладилось, она перешла от одной эпохи к другой, к неудаче, которая вдруг приняла черты этого зловещего декора. Да, в последнее время что-то перевернулось, словно настала пора расплачиваться за те годы, когда все шло гладко. Она опять вспомнила о кошках, висевших в руках недавнего колосса, о невыносимой улыбке этого мужчины, уверенного в своей силе. Он как те мужчины, с которыми она сегодня ужинала. Потом воспоминание об этом типе смешалось с образами заводов, которые весь день давили ей на психику, словно вся ее будущая жизнь будет состоять из одних лишь унылых поездок, унижений, пустынных автостоянок и обезлюдивших городов, и всякий раз люди будут говорить с ней только о цифрах, безработице, тревожном будущем...

– Мадам Десаж, вы идете?..

Ее гостиница была далеко. После того как они высадили ее перед входом, в этом нагоняющем тоску центре города, где покинутые магазины казались дуплистыми зубами, она сначала выкурила сигарету, потом направилась к двери без света, но не нашла код для входа. Ночного портье не было, по телефону никто не отвечал. Ей пришлось просить у пьянчуг, таскавшихся к закрытому бистро, чтобы те нашли ей номер телефона хозяина гостиницы или кого угодно, кто знал бы этот чертов код. Так что теперь, проникнув наконец в свой номер и отойдя от испуга, что придется провести ночь на улице, ей вдруг захотелось позвонить кому-нибудь, она не знала кому, ей просто хотелось услышать чей-нибудь голос, который ответил бы ей, успокоил ее, голос, который сумел бы найти слова, даже после полуночи, голос, который сделал бы ей этот невероятный подарок – все выслушал и на расстоянии сумел бы ее утешить, сказать ей, что она хорошо заснет в этой холодной постели. Она подумала, не позвонить ли Ричарду. Но этим вечером он был на показе, который спонсировала его компания, а она не чувствовала себя вправе мешать ему своим телефонным звонком, чтобы жаловаться и просить о помощи, да и что бы он мог для нее сделать из Лондона? Порой на маленьких неожиданных перекрестках жизни обнаруживаешь, что уже изрядное время двигаешься вперед по натянутой проволоке. Годами идешь не останавливаясь, без страховки, без всякой уверенности, что внизу и в самом деле есть что-нибудь или кто-нибудь понадежнее абсолютной пустоты. И тогда вдруг осознаешь, что идешь дальше скорее ради других, которые ничего не делают для тебя, только ждут от тебя всего. Дети в этом бывают особенно ненасытными и жадными, вечно чего-

нибудь требуют без малейшей благодарности. Хотя, в конце концов, это ведь нормально тащить детей на себе. Но Аврора подумала также и о тех, перед кем она никогда не должна показывать свои слабые места, потому что иначе они ударят точно по ним. Редко встречаются те, кто по-настоящему дают, по-настоящему слушают.

Сегодня вечером Аврора ушла с работы последней. Перед уходом ей еще захотелось распечатать расценки завода в Анноне, однако, зайдя в помещение для оргтехники, чтобы их забрать, она обнаружила, что из принтера не вышла ни одна страница и все сигнальные лампочки мигают красным. А подняв крышку, увидела испачканный чернилами скомканный листок, застрявший в самой глубине аппарата. Она вытащила его. На нем криво отпечатались одна-единственная строчка с обрывком фразы: «...предлагаю на конфиденциальных переговорах в рамках *prerack session*[б - Наполовину французское, наполовину английское выражение, термин-гибрид, означающий «предварительно подготовленная передача» – инновационный пункт, введенный во французский Коммерческий кодекс 12 марта 2014 года с целью облегчить санацию предприятий, имеющих финансовые затруднения; подробнее см. далее в тексте книги.] выдвинуть условие, чтобы период ОБ не превышал два месяца и чтобы покупатель убыточного предприятия...»

Аврора предположила, что ОБ означает «объявление банкротства» и сразу же подумала о Фабиане. Но об объявлении банкротства речь у них никогда не заходила, а о «покупателях убыточного предприятия» и того меньше. Держа в руках этот клочок бумаги, она недоумевала, поскольку не знала толком, действительно ли напечатанная фраза принадлежит Фабиану, или, быть может, все это вообще не имеет никакого отношения к их компании. Она закрыла крышку, но, ожидая, пока перезапустится принтер, издавая свои странные пощелкивания, она поискала на своем смартфоне, что такое *prerack session*, и тут с первого же примера, не теряя головы, похоже все поняла.

Уже полмесяца как они с Фабианом не обменялись ни словом. На прошлой неделе его тут не было, а на предыдущей оба дулись друг на друга. А теперь вот этот клочок бумаги по-настоящему их касался, и это было хуже чем предательство. Самым подлым тут была эта форма множественного числа: «покупатели убыточного предприятия», это означало, что он вступил с кем-то в сговор, чтобы повернуть эту махинацию, что он неделями, если не месяцами, готовил сделку у нее за спиной – нет, она не хотела этому верить. Как бы ему

удалось надуть ее, да так, чтобы она ничего не заподозрила, неужели и в самом деле возможно настолько заморочить голову партнерше? Об этом она не имела понятия, в деловом мире многое было выше ее понимания, она с самого начала доверяла ему, никогда не читала полностью договоры, а главное – это никогда не было ее обязанностью.

Как только она оказалась в метро, к ней вернулось ощущение полной потерянности, охватившее ее в гостиничном номере, то же чувство, будто ее все бросили. И даже спустя три дня оно все еще не покидало ее. Опять возникло желание позвонить кому-нибудь, кому угодно, чтобы ее успокоили, но она никого не хотела беспокоить. Тем более что это так унижительно, звать на помощь и подразумевать при этом, что от нее ускользает собственная лавочка, что она в ней ничем не управляет, это было бы почти позором. К счастью, были все эти люди вокруг нее. Жизнь в Париже Аврору успокаивала, убеждала, что здесь она находится в центре всего, постоянно окружена жизнью. Ей нравилось слышать разные языки мира, видеть людей, приехавших сюда со всего света из одного только желания посетить этот город, пройтись по нему пешком, проехаться на велосипеде, в автобусе и даже на рикше. Она чувствовала себя настоящей среди этого столпотворения восхищенных чужестранцев. Да и всех прочих, кто выбрал жизнь здесь, кто грезил об этом городе и ухватился за него как за мечту, за этот идеальный Париж, созданный иллюзией некоего вселенского притяжения. И для нее было необходимо ощущать, что она находится в средоточии всей этой энергии. В том, что касается моды, Париж действительно центр мира. Несмотря на кризисы и страхи, Париж всегда будет эмблемой творчества, колыбелью высокой моды. Аврора чувствовала, как ее подпитывает это возбуждение при одной только мысли, что величайшие кутюрье, ювелиры и кожевенники съезжались сюда, чтобы устраивать показы своих новых коллекций, что именно в Париже проводились самые престижные, самые прекрасные дефиле во время Fashion Weeks[7 - Недели моды (англ.)] и что объединяла, скрепляла все это именно жизненная сила этого города.

Однако сегодня вечером в ней по-прежнему преобладал страх – страх, что однажды она больше не сможет создавать свои коллекции, не сможет устраивать дефиле, и эта невозможность казалась ей изгнанием. У ее бренда уже были проблемы, но на этот раз беда пришла изнутри. Она снова достала этот клочок бумаги из кармана. Объявить о банкротстве – о таком она никогда даже не думала. Потерять фирму, которая носит ее имя, было все равно что потерять собственную личность. Она не представляла себе, как сказать своим

шести работникам, что она сюда больше не придет, что они сюда больше не придут. Как бросить их всех после того, как тысячу раз сама просила их поработать допоздна. Как сказать, глядя в глаза Айше, Лоре, Саиду, Сандрине, Маэве и Рикардо, что на сей раз они все останавливаются и расстаются. Как бросить их всех? Она ни за что не сможет.

В переполненном вагоне метро Аврора решила, что ей непременно надо поговорить с Фабианом, прямо сейчас. Сразу после третьего гудка включился его автоответчик. Оставить ему сообщение было все равно что предупредить его, а она хотела застать своего компаньона врасплох, огорошить, внезапно заговорив об этом странном клочке бумаги, чтобы посмотреть на его реакцию. Сейчас же она видела только то, что, очевидно, больше не будет ни эйфории их дебюта, ни бессонницы перед дефиле, когда они работали ночами напролет, но весело и с музыкой. Больше всего ее бесила мысль о той энергии, которую она потратила, чтобы создать именную бренд, потому что сегодня ей не хватило бы сил снова проделать весь этот путь. Чтобы создать свою фирму во Франции, надо быть либо безумцем, либо иметь очень хорошее окружение. Окружена-то она была, и поклонниками ее творчества, и льстецами, и теми, кто готов был оказать ей помощь, поскольку считалась многообещающим модельером. Но она знала, поскольку видела это вокруг себя множество раз: стоит тебе облажаться, и ты уже не поднимаешься. В Париже провал – это пожизненный приговор.

Трудно не отводить глаза при встрече с неприятностями, но она не скрывала от себя, что банк может до декабря прекратить финансовую поддержку, так что оставалось еще два месяца, чтобы наверстать задержку с выплатами и закрыть отчетный год, а иначе они попадут в разряд неплательщиков.

Резкое торможение бросило стоявших пассажиров друг на друга. Она вцепилась в поручень. Поезд был забит и ехал медленно, должно быть, случилась какая-то манифестация или визит главы какого-нибудь государства. Но два человека утверждали, что тревога поднята из-за подозрительного свертка на четвертой линии, другие поправляли их, дескать, это не на четвертой, а на второй, и говорили об этом так, словно бомба – просто какое-то неудобство, помеха. В результате все перешли на первую линию, толкались, утрамбовывались, тела прижимались друг к другу так тесно, что лиц нельзя было рассмотреть, и она предчувствовала, что скоро будет вся в поту. По счастью, первая линия автоматическая, значит, эффективная, совершенно лишенная человечности, но вполне эффективная. Тут нет машиниста, следовательно, нет и задержек:

остановка, звуковой сигнал, отправление – радикальная продуктивность, похожая на высчитанные до миллиметра циклы производственного агрегата, и ей снова вспомнились эти гигантские ткацкие станки, чей грохот до сих пор стоял у нее в ушах, словно она была внутри них. На каждой остановке происходил круговорот пассажиров, коридоры извергали из себя потоки опаздывающих, все перемешивались между собой, люди лезли отовсюду, толкались, ужимались в не слишком счастливую толпу, и, отчетливее чем когда-либо, у нее снова возникло ощущение потерянности. У Авроры вся спина была в поту, ноги подгибались, словно ее охватила лихорадка, но это был лишь иррациональный приступ беспомощности. В свое время Ричард оставил свою предыдущую жену ради Авроры, и вдруг ни с того ни с сего она в течение восьми лет испытала чувство вины из-за этого разрыва, словно была в ответе за горе той женщины. Она убедила себя, что однажды Ричард сделает с ней то же самое. Только это произойдет не так резко, он будет отдаляться от нее миллиметр за миллиметром, будет оставаться с ней все меньше и меньше, все больше поглощенный своей карьерой.

Поезд прибыл на станцию Сен-Поль. Она позволила эскалатору поднять себя наверх, словно к выходу из преисподней, и вернулась на свежий воздух, даже не поднявшись ни на одну ступеньку, совершенно без сил, с расстегнутой блузкой, осаждаемая отравленными мыслями.

Вернувшись к себе во двор, она осмотрела все выходившие в него окна: лишь очень немногие были освещены, в некоторых свет затемняли тяжелые шторы, и только шесть ее собственных сверкали наверху без штор и тюлевых занавесей. Воронов не было слышно, и она насладилась тишиной, сделав несколько шагов по обомшелым камням. Ничего не заметив, склонилась к гиацинтам, которые посадила весной, к своим трехлетним гортензиям, и только теперь рассмотрела, что этот тип здесь натворил. Она нагнулась к кустам, искала стебли базилика, надеясь, что те уцелели. Шалфей уже выпрямился, зато вся петрушка была вытоптана, и вдруг птицы вылетели из кустов, стремительно, словно тарелки для стендовой стрельбы: первый ворон с карканьем пронесся всего в десяти сантиметрах от ее уха, второй вырвался из зарослей, хлопая своими большими крыльями, и, задев ее, взвился в воздух. Прикосновение этих крыльев было так омерзительно, что она опрокинулась навзничь. Надо же, а ведь сегодня вечером она и впрямь поверила, что они улетели... Или же они сделали это нарочно, играли с ней? Аврора сидела на земле, ягодицами на ледяных камнях двора, настолько ошеломленная, что ее била дрожь.

– Ну как дела, лучше?..

Уязвленная тем, что была застигнута врасплох, она не ответила ему, продолжала делать вид, будто его здесь нет.

Особенно ей был невыносим тон, с которым этот мужчина обратился к ней, спрашивая, как ее дела, словно они были знакомы. Этим утром ее все задерживало, все раздражало, хотя тут, в помещении с почтовыми ящиками, она хотела всего лишь приклеить скотчем объявление, чтобы его все увидели. Но клейкая лента никак не прилипла к старой штукатурке, пришлось переклеивать на доску в глубине, над мусорными бачками, что вынудило ее переписать объявление на листочек размером побольше и принимать необычные позы, прикрепляя его, из-за чего она опаздывала еще сильнее. Тип у нее за спиной говорил о кошках и клялся, что они больше не сбегут, подразумевая, быть может, что проследил за ними. Хвастун. Обернувшись, она обнаружила его в дверном проеме. Он был в блейзере, хотя элегантности ему это не добавило, и говорил с ней нарочито жизнерадостным тоном соседа, который хочет быть любезным. Она наклонилась к своему почтовому ящику, пройдя перед ним, но не взглянув на него по-настоящему. В этом черном блейзере, надетом поверх белой футболки, да еще и с этими кедами он смахивал на деревенщину.

– Кстати, хотел вам сказать, я засек ваших врагов там, наверху...

При этих словах она выпрямилась и, не говоря ни слова, бросила на него пристальный взгляд. Напряженности этого взгляда он понять не мог, но в нем смешивались удивление, благодарность и при этом нескрываемое отвращение к его блейзеру и кедам. Однако Аврора испытала невероятное чувство: ее услышали. В конечном счете она все равно не знала, что сказать этому типу, но он продолжил, роясь, как и она, в почтовом ящике:

– Эти твари такие гнусные, что вокруг них пусто становится, а хуже всего, что, если они поселятся где-нибудь, их уже не вывести...

– Похоже, так и есть.

Аврора вытащила из своего кучу бумажек: реклама, карточки первой помощи.

– Вам-то особенно не повезло – хорошего мало, видеть их прямо напротив...

- Что вы об этом знаете...

- Вы ведь на четвертом живете?

- Да нет, что вы о воронах знаете?

- Мой отец велел нам их отстреливать. Эти твари жрут все что ни попадя, если вы одного убьете, остальные слетятся и будут его жрать. Представляете, друг друга жрут, стервятники...

Не переставая говорить, он смял в комок проспекты, которые выгреб из почтового ящика; Аврора смотрела, как его большие руки уминают их в настоящий шар - эти же самые руки, в которых тем вечером болтались кошки, и на все это накладывался образ воронов, копавшихся во внутренностях. Решительно, от всего, что было в этом человеке, ей становилось не по себе. Притом что он ей широко улыбался.

- Что там, в вашем объявлении?

- Мой пасынок празднует день рождения, соберется много детей, предупреждаю соседей, чтобы не было проблем.

С той же выводящей из себя улыбкой он ответил:

- С соседями? Здесь только глухие старики остались да пустые квартиры, так что вряд ли это кого-нибудь побеспокоит...

- Ну, в таком случае это чтобы вас предупредить.

- Обо мне не беспокойтесь... Меня ничем не проймешь!

Он забросил увесистый бумажный шар в приоткрытый мусорный бачок и зашагал прочь, сказав ей всего лишь «до свидания». Аврора подождала в закутке, давая ему возможность обогнать ее. В метро у нее все еще звучало в ушах это утверждение: «меня ничем не проймешь». Ну как можно сказать такое, «меня ничем не проймешь»? Тем не менее он это заявил с настоящей уверенностью в

себе, с искренностью, которая вынуждала поверить, что его действительно ничто и никто не может пронять, он никогда не жалуется. Она попыталась представить себе это, зная тем не менее, что такого не может быть, что любой человек страдает, любой человек скрывает свои страхи и слабости, вот только в нем ничего такого не было заметно, или же он действительно был такой непробиваемый, словно бронированный. Аврора вновь представила себе его улыбку, с чуть различимой провокацией, улыбку и его габариты, потому что он занимал все свободное место, стоя в дверном проеме, застилая ей свет.

«Меня ничем не проймешь». За этими словами она услышала: «Меня ничто не задевает, ничто не трогает, ничто не пугает». Вдруг она показалась себе нелепой со всеми своими страхами – страхом, что уже опоздала, страхом в очередной раз встретиться с экспертом-бухгалтером, который будет тыкать в красные ячейки на своих таблицах Excel, где их становится все больше и больше. Но главное, ей придется встретиться лицом к лицу с Фабианом, заставить его поклясться, что он не имеет никакого отношения к этой бумажке, или же сделать вид, будто ничего не видела, и шпионить за его электронной почтой в надежде понять, до какой степени предательства он способен пойти. Между тем ей придется также успокоить людей в ателье, поскольку все прекрасно понимают, что следующая коллекция тает, как снег на солнце, и никакого дефиле весной не будет, а им скоро нечего будет делать... Сегодня утром ее ожидало множество испытаний, не говоря о мелких страхах текущей жизни, которые охватывали ее временами: опасения, не случилось ли что-нибудь с детьми, стресс из-за своего пасынка с его хаотичным вторжением в пору отрочества, который прятал «дурь» в шкафах, или из-за участившихся во время каникул приступов астмы у Айрис, слабенькой девочки шести лет с ангельским личиком, чья бледность наводила на мысль скорее о хрупкости, нежели о грации... Всеми этими материнскими страхами она не должна заражать себя как главу предприятия, а других и подавно, однако ее страхи никуда не исчезали, оставались при ней, таились в глубине ее существа и сопровождали ее день за днем...

«Меня ничем не проймешь» – эти слова вертелись у нее в голове, и это ее раздражало, тем более что по дороге к метро ей все мешало: дождь, пешеходы, которые и сами себе мешали своими зонтами, застывшие потоки машин и скутеры, которые неожиданно откуда-то выскакивали. А затем в метро все мешало ей еще больше, эти вымокшие люди, тела, слишком тесно жавшиеся друг к другу, липкая сырость бледного рода человеческого, распространявшего запах мокрой псины. Все сегодня утром было безобразным, все было крайне далеко от парижского очарования, сегодня утром все заражали зловонием плохо

просохшую линию метро, и у нее было довольно сильное ощущение, что все люди грязны, унылы и очень сильно подпорчены этим концом октября.

«Меня ничем не проймешь» – возможно, это знак некоего высшего безразличия, возможно, на этого человека и в самом деле ничто не производит впечатления, потому что ему наплевать на все. Он наделен полнейшим эгоизмом, и он один на свете. С тех пор как он поселился здесь, у него не было замечено ни женщины, ни друзей. Значит, он и вправду жил один. Она ничего об этом не знала и раньше не обращала никакого внимания на этого типа, он для нее не существовал. Аврора подозревала, что он жил, наверное, на верхних этажах флигеля в глубине двора, но их квартиру от фасада напротив отделяла стена деревьев, и вся эта масса листвы между ними некоторым образом защищала ее.

В последующие дни она неоднократно ловила себя на том, что пытается рассмотреть окна на другой стороне двора. По мере того как опадали листья, мало-помалу сквозь ветви становилось кое-что видно, во всяком случае ночью можно было различить, горит там свет или нет. У одного из окон виднелась жардиньерка с белой геранью, но она плохо представляла себе этого человека сажающим белую герань в ящичек площадью двадцать квадратных сантиметров. Как-то вечером, когда они пили чай, она ни с того ни с сего спросила у Ричарда, знает ли он типа, который живет в доме напротив, того здоровенного верзилу...

– С чего ты вдруг о нем заговорила?

– Да так, чтобы знать. Тебе с ним уже случалось говорить?

– Ну да, здрасьте – до свиданья. That's a big guy[8 - Это большой парень (англ.)], как говорится. Но он странный.

– Странный? Почему?

– Потому что на лестнице «С» все странное. Видимо, самовольно вселился к какой-нибудь старушке или пришел ее...

– Перестань, я тебе серьезно говорю.

– Но я тоже серьезно говорю, разве ты не видишь, что их гнилые подвалы и чердаки привлекают всех мышей и птиц в округе, я уверен, что там и крысы есть, мне помощник управдома сказал, что если на лестнице «С» люди держат кошек, то не потому, что любят животных, а потому что кошки ловят мышей. Там все такое старое...

И уж совсем ни на что не было похоже, когда она поймала себя на том, что подстерегает его. Несколько дней подряд, доставая корреспонденцию в маленьком закутке с почтовыми ящиками, она задерживалась на несколько секунд, ей казалось, что она слышит шаги на лестнице «С», ей хотелось, чтобы он рассказал, как они в детстве убивали этих воронов, видимо, их можно было убивать, раз он упомянул это радикальное решение, даже если ей самой это казалось невыносимым и такой разговор был ей заранее противен. Сегодня утром, когда она открывала свой ящик, ей послышались шаги, тогда она стала выжидать, просматривая почту на месте, тем более что сегодня ее расписание омрачали два мероприятия: утром встреча в банке насчет задолженности по социальному обеспечению, а затем обед с работниками ателье – два ожидаемых события, и на обоих, как она заранее знала, ей изрядно достанется. Она хотела всего лишь снова увидеть этого мужчину, которого ничем не проймешь, пусть всего лишь ради того, чтобы почувствовать себя вооруженной для этого дня, чтобы выстоять во время этих двух встреч с той же самоуверенностью и безразличием, как у этого человека, которого ничем не проймешь. Она всего лишь хотела снова увидеть эту выводящую из себя улыбку, только чтобы вновь услышать уверения этого до странности уравновешенного существа, этого человека-громоотвода, чей вид и повадки предполагали, что он ничего не боится. Но он не появился.

Выйдя из закутка, она медленно раскрыла свой зонтик. Осень неуклонно суровела, ей было плохо от этого дождя, который наглухо закрывает тела, препятствуя всякому удобству, закупоривает Париж неразстворимыми дорожными пробками и усложняет все. Шаги на лестнице «С» стали явственнее, она дошла до середины двора, но это оказался не он, а ошибившийся лестницей курьер из «FedEx», который вручил ей пакет, и это вдруг вернуло ее к рабочему дню, к ожидавшим ее делам и встречам, так что она повесила свою большую сумку на плечо, пересекла двор и вошла в вестибюль, не закрывая зонтик. Из-за скользкого пола ей не хватило опоры, чтобы потянуть на себя тяжелую входную дверь, но та внезапно распахнулась сама собой, и он появился перед ней, вернулся после пробежки. Увидев ее, он посторонился, уступая проход,

предложил все с той же немного чрезмерной улыбкой залитую потоками воды улицу. А она смотрела на него, не выражая ни малейшего удивления, настолько ее ошеломило то, что он выходил бегать во время этого потопа, к тому же в одних шортах и ветровке, у которой даже не поднял капюшон, у него от этого все лицо было в каплях. Но этим его было не пронять, еще раз не пронять.

Она почти злилась на него за то, что он не страдает от этого дождя. В каком-то смысле он никак не мог ее понять, человек, который утром бросается с непокрытой головой под этот ливень, совершенно противоположен тому, чем была она сама со своим раскрытым зонтиком и скользкой обувью. Однако сейчас ей хотелось обнять его покрепче, чтобы взять хоть немного его силы, обнять, вот и все. Чтобы не выдать себя, Аврора снизошла до как можно более нейтрального «спасибо» и, прежде чем пройти мимо, приняла ледяной вид. И тут он произнес за ее спиной всего одно слово с возможной иронией: «Мужайтесь...»

Она обернулась, чтобы взглянуть, смотрит ли он, как она уходит, но он уже вошел в дом, и она подумала обо всех тех матчах, которые Ричард с детьми смотрел по телевизору, о мужчинах, которые дерутся за мяч под дождем, здоровенные голоногие дебилы, пихающие друг друга в грязи. А эта черная ветровка с радужным рисунком (она особо не присматривалась, но все-таки успела заметить изображение радуги), он шляется под дождем с голыми ногами, непокрытой головой и радугой на туловище! Она подумала, что этот тип словно освободился от всего – от дождя, от холода, от самого мира; что он, быть может, свободное существо или совершенный эгоист. Все вокруг нее шли в этой промозглой сырости, опустив голову, кутаясь в одежду, прячась под большими зонтами, а ему хватало только шортов и ветровки. Среди этого балета спешивших пешеходов, которые пересекались друг с другом по всем направлениям, у нее возник образ целой кучи лишних, загромождающих ее жизнь вещей – мелочности и угроз. И на их фоне образ этого мужчины завораживал ее, просто блистая своей ископаемой, природной, грубой насыщенностью.

Он всякий раз никак не мог прийти в себя от того вида, который она напускала, от той дистанции, которую сохраняла. Людовик думал, что он или не нравится ей, или же он пугает ее; он знал, что порой может напугать, но при этом нельзя сказать, что игры с этим запугиванием были ему неприятны. Он удержался, не стал смотреть ей вслед, поскольку прекрасно видел, что она держится настороже – когда они столкнулись в дверях, даже попятилась немного. Не

будучи параноиком, он решил, что эта женщина остерегается его. Ждал ли он чего-то от нее? Скорее нет, он ни на что не рассчитывал. А если и заговаривал с ней, глядя прямо в глаза, то это было всего лишь провокацией, хотел, чтобы ей стало не по себе, он ведь не забыл тот вечер, когда она наорала на него. Он тогда прежде всего подумал, что ей не хватает веры в себя. Хотя, может, она просто старалась дать ему почувствовать, с кем он говорит, с жительницей шикарной части дома, на лестнице «А» с квартирами за два миллиона евро. Не на лестнице «С».

Он не обернулся еще и потому, что ему осточертело попадаться в ловушку из-за этого рефлекса горожанина. С тех пор как он стал жить в Париже, он часто ловил себя на том, что провожает женщин глазами, любуется их ногами, которые меряют тротуары, рассматривает какую-нибудь пассажирку в автобусе, не намеренно, но липшим к ней взглядом. Ему претило это желание смотреть, он устал от постоянного присутствия всех этих людей, это неестественно, постоянно жить на глазах у других, у себя в долине чужое любопытство его не беспокоило, тем более что это даже и любопытством-то не было. А вот в Париже смотрят только на то, к чему вождедеют, на что зарятся, а остальное не видят, игнорируют или притворяются, будто не замечают. Музыкантов, например, играющих в метро, скопище цыган, галдящих в коридорах станции «Конкорд», вопящих громче, чем их инструменты, и все проходят мимо, как перед афишей, или этих добровольных немых, которые тянут руку, кланчат милостыню, пусть даже всего лишь взглядом, их тоже никто не видит. Но он-то смотрел, смотрел даже на тех, кого не стоит видеть, на приставучих, ненормальных, буйных, одержимых, которые заглядывают вам в глаза и пристально смотрят, ожидая вашей реакции, эти провокации его даже пьянили... В метро из-за взгляда можно подраться.

Как только он оделся и принял душ, настал его черед быть актером массовки, и он двинулся под упорным дождем к станции «Сен-Поль». Позади застекленной автобусной остановки лицом к церкви сидела на картонке молодая румынка – привалившись к стеклу и не совсем в укрытии, она прятала своего малыша под импровизированным навесом из натянутой полы собственного плаща. Ее звали то ли Янна, то ли Илеана, в тот день, когда он спросил ее имя, а дело было еще летом, ей пришлось повторить его несколько раз, она даже чертила буквы на своей ладони указательным пальцем, но он так толком и не понял, быть может, потому что она не умела писать свое имя. Дальше этого их разговоры не продвинулись, так что каждое утро он говорил ей «Здравствуй, Янна», но не

потому, что она ему нравилась, и еще меньше из благотворительности, а просто потому, что она была там. Денег он ей не давал, только обменивался рукопожатием, да и то не каждый день, иначе это продолжалось бы до бесконечности. Она была красива: в тени скул блестели черные глаза, да и робкая промокшая улыбка была привлекательной, никто ее не замечал, никто не улыбался в ответ. Все ненавидели это, вот если бы она была кошкой, прохожие наклонялись бы, чтобы ее погладить, как-нибудь назвать, но эта девушка никогда не видела, чтобы кто-нибудь из них заговорил с ней, улыбнулся или посмотрел на нее. Например, эта соседка, буржуазная дама, которая смерила его пренебрежительным взглядом, мещанка, которая считает, что у нее больше прав со своими жалкими пятнадцатью квадратными метрами сада, тогда как у него были целые гектары земли. Он решил, что однажды припугнет эту задаваку как следует, нагонит на нее страху, просто так, всего лишь забавы ради.

Прежде чем спуститься в метро, он зашел выпить кофе и купить пачку сигарет – ежедневный ритуал.

– Здравствуйте!

Сегодня утром опять никакого ответа. Он подошел к бару, но вместо того, чтобы заказать себе крепкий кофе, непроизвольно произнес совсем другую фразу:

– Я с тобой здороваюсь, в ответ ты со мной здороваешься. О'кей?

Сбитый с толку официант повернулся к другим клиентам, словно хотел призвать их в свидетели. Хозяин, стоявший в конце стойки за кассой, направился к ним:

– Что для вас?

– Когда я захожу, я здороваюсь, в ответ со мной здороваются.

– Здравствуйте. Кроме этого еще что-нибудь?

– Кофе покрепче.

Он почувствовал вокруг себя неловкость, даже в зале повисла смущенная тишина, которую нарушала лишь нервная песня группы «Coldplay». Ему хотелось

проглотить этот кофе одним духом, но тот был слишком горячим, в общем, он повел себя как дурак и сам удивлялся, что вспылит, это все из-за той мешанки, которая вывела его из себя, а он даже не сразу понял. Проглотив-таки кофе залпом и сразу же запив ожог стаканом воды, он брякнул монету в один евро на стойку и вышел.

Когда он толкал дверь, официант сказал ему «до свидания», довольно громко, наверняка в насмешку, хотя, может быть, и нет, он обернулся к нему, подумав, что однажды слетит с катушек и схватит одного наугад, кого угодно, первого встречного, и тот получит сполна за всех остальных.

Приезжая в Сен-Совёр, он всегда шел прогуляться к виноградникам, посмотреть, что стало с имением Матильды: его купил один малый из Борделе, который возделывал виноградники совсем по-другому и не пожалел денег, чтобы на скорую руку обновить все постройки. По таким вот оплеухам, по таким вот необратимо перевернутым страницам он и замечал, что прошло чертовски много времени. Другую оплеуху он получал при виде своей матери. Прежде чем отправиться туда, он всякий раз задавался вопросом: как далеко все зашло и сможет ли она еще выйти с ним на прогулку вдоль реки? В крайнем случае он собирался взять напрокат инвалидное кресло, видел такие в витрине аптеки, в городе, хотя раньше их даже не замечал. Его мать в те времена, когда была полна сил и энергии, святостью никогда не отличалась. И хотя он всегда был ее любимчиком, виделся ей самым большим, самым сильным, ему не забыть, какую жесткость она могла проявлять. Потому что была суровой женщиной, работала по шестнадцать часов в день как по дому, так и на ферме, что не улучшило ее характер, тяжелый, как мельничный жернов, в общем, его матери лучше было не перечить. Он не забыл, что Матильда ей никогда не нравилась, потому что «происходила от лозы» – ее родители владели виноградниками, а собственники виноградников всегда были люди особые, у них были большие поместья, земли которые орошались химикатами. Чтобы опрыскивать их по весне, они одевались как космонавты, а некоторые привлекали даже авиацию для распыления, одномоторный самолет на один час, чтобы поливать растения всей этой гадостью, впрочем, Матильда наверняка от этого и умерла. Не стоило о таком говорить вслух ни в больших имениях, ни на фермах, по крайней мере эти табу у них были общими. Все молчали, но прекрасно видели, что фитосанитарные химикаты убивают пчел, так почему не людей?

Если его мать не любила Матильду, то также потому, что Людовик сделал свой выбор, стал работать в ее имении. Надо полагать, что виноделие воодушевляло

его больше, чем многоотраслевое хозяйство на старинный лад. Однако, чтобы удовлетворить всех, он каждый день в течение четырех лет приходил на родительскую ферму, вкалывал там тоже. Надо быть сумасшедшим, чтобы делать такое, но также и слабаком. Вот почему он в глубине души прекрасно знал, что вовсе не так уж силен, а правда была в том, что он никого не хотел обидеть. Между его фермой и Матильдиным имением было всего-то восемь километров, и тем не менее это два совершенно разных мира, соседних, но не соприкасающихся. Ему повезло, что работники его уважали, семья Матильды тоже, он не раз служил им примером. Занимаясь обрезкой по много часов подряд, обрабатывая ряд за рядом и даже не отдыхая ни минуты в своем грузовичке, а это было тяжело, тем более что высокий рост при работе в винограднике вовсе не преимущество. Зимой все делается всего в шестидесяти сантиметрах над землей, у него постоянно случались прострелы в спине из-за работы под дождем, на холоде, часовых сидений в маленьких тракторах на полсотни лошадиных сил без кабины, без ветрового стекла и непродуваемой куртки. Он мог бы корчить из себя начальника или пойти работать на винный склад, вот только, ведя себя так, будто получил это место по блату, он чувствовал бы себя ничтожеством. Может, быть виноделом и благороднее, чем просто земледельцем, но ему на это было плевать, он всего лишь любил Матильду, и работа с ней прежде всего позволяла ему быть с ней.

Обходя виноградники, он снова думал обо всем, что осталось невысказанным, об этой напряженности, об этих конфликтах, и почти сожалел о них. И хотя они не были женаты, Матильда была его женой. Он снова подумал об этих проклятых месяцах, об этом длинном туннеле, каковым является болезнь. Если проигрываешь это сражение, значит, ты не так уж силен. О раке своей жены он никогда ничего не скажет, да и с кем ему об этом говорить? Он только хранил в памяти эти маленькие походы, которые они проделывали оба по коридорам больницы, от ее палаты до кофейного автомата. Под конец ей стало трудно подниматься, это казалось ему сверхчеловеческим усилием, заставляя себя пройти две сотни метров, но она это делала. Вплоть до того дня, когда он в одиночку пошел за стаканчиком горячего, крепкого и сладкого кофе, как она любила, вплоть до того дня, когда она даже не заговорила о том, чтобы выпить кофе, вплоть до того дня, когда она совсем перестала говорить. Никогда больше он не сочтет себя сильным, он будет всего лишь делать вид и позволит этой видимости говорить вместо себя: метр девяносто пять и сто два кило – это тело, в котором он прячется. И он знал также, что больше никого не полюбит, никогда больше не отважится. Даже если это отсутствие любви было в нем словно пропасть, словно высохшее до дна озеро. Людовик прекрасно знал, что теперь

ему надо будет обходиться без жизненной силы, которую обретают в том, чтобы кого-то любить, желать, целовать. И он точно не рассчитывал встретить в Париже кого-нибудь.

Вечером из школы вернулись племянники, и они поужинали всемером, это было приятно, все были счастливы. Людовику всегда оставляли место в конце стола, впрочем, они делали это каждый вечер, даже когда его тут не было. Оба племянника были зачарованы тем, что он живет в Париже, и в свои восемь и одиннадцать лет мечтали взглянуть на столицу, побывать там хотя бы на выходных. Он отвечал, что у него только одна кровать, и им придется спать на полу или в палатке во дворе, поскольку у него там все очень маленькое. А они думали, что он шутит... Этот дядюшка был для них самым большим и сильным, так что у них с трудом укладывалось в голове, что он не живет, пусть даже в Париже, в огромном доме. Родители всякий раз отделялись от них, говоря, что они еще успеют побывать в Париже и что большой магазин «Фнак» найдется и в Лиможе или в Тулузе.

– Вам же сказали, у вашего дяди нет места, так что кончайте его этим доносить...

– Ну, знаешь, я все-таки не в шкафу живу, пускай приезжают, когда захотят, потеснимся малость, вот и все.

Всякий раз, проводя два дня на ферме, он хорошо чувствовал, что им из-за его присутствия становится не по себе. Сестра была смущена тем, что собиралась как ни в чем не бывало завладеть наследством и тем самым показать всем и каждому, что место естественного наследника, собственного брата, занял ее муж. Что касается отца, то он прежде всего не хотел скандалов на эту тему. Да, Людо ему немного не хватало (может, потому что Жиль, его зять, не охотился, даже слышать не хотел об охоте), а внукам, сказать по правде, ферма и даром была не нужна, они мечтали о большом городе, но отец ничего не говорил, не хотел никаких историй.

Людовик тоже не делал никаких замечаний, хотя отлично видел, что крыша сарая протекает, выгребная яма не чищена, колеи на дороге стали еще шире, живые изгороди давно не подстригали – накопились целые кучи мелких недоделок, которые он сам уже давно исправил бы, если бы жил здесь. В конце

ужина Людовик вышел покурить вместе с Жилем. Как и всегда, они направились к сараю. Покосившись на инвентарь, Людовик постарался разговорить своего зятя, задавая ему в лоб вопросы, на которые ожидал откровенных ответов. Он хотел понять, все ли хорошо и оставалась ли у них хоть какая-нибудь прибыль в конце месяца, пробовал догадаться, чем сам мог бы им помочь, ненавязчиво дать совет. Людовика тут точно никто не задевал, уже хотя бы потому, что он был здоровяк, да к тому же после смерти жены его берегли, как раненого. К ним присоединился отец, чтобы сообщить, что уже девять часов и он отправляется спать, он ежедневно уходил в это время. Людовик похлопал его по плечу, как боксер подзадоривает своего противника.

- Да ты, похоже, еще хоть куда!

- Восемьдесят четыре... Поглядим на тебя, когда хотя бы половину проживешь...

- Уже прожил, папа, и даже с гаком...

Отношения между ними всегда были немного нервными, особенно когда Людовик, работая здесь, предлагал новые идеи, а отец продолжал все делать на свой лад. Они не раз орали друг на друга, но так уж отец и сын были устроены, их стычки происходили из-за того, что оба были крайне откровенны, говорили в лицо всякое и неизбежно сцеплялись, хотя только на словах. И даже теперь, в их нынешнем возрасте, когда Людовик говорил с отцом, обоим требовалось провоцировать друг друга, задирать. Людовик изображал боксерские удары, а отец, опуская плечи, закрывался, чтобы парировать. Из-за разлуки между ними появилась некоторая скованность, все-таки они не виделись неделями, узы от этого немного слабели, так что им требовалось поскорее заполнить эту пустоту, восстановить былое сообщничество, и это происходило между ними на телесном уровне: они подкрепляли слова жестами, поддразнивали друг друга и шутили.

- Слушай, старик, не дашь мне ключ от стенного шкафа?

- Опять какую-нибудь глупость затеваешь?

- Хочу мелкашку у тебя позаимствовать.

- Не будешь же ты стрелять по мишени в такое время?

- Нет, просто позаимствую, и все. Глушитель к ней все еще у тебя?

- Ну ты даешь... Разобраться с кем-то решил, что ли?

- Вот именно.

- Знаешь, если ты своего зятя собрался прикончить, то он меньше чем в двух шагах и целиться незачем, я его подержу, если хочешь.

Продолжая шутку, отец схватил Жилия, чтобы обездвигить его.

Жилю эта шутка совсем не понравилась, он высвободился из объятий тестя и сказал, что идет спать, после чего вернулся на ферму, оставив их вдвоем. Перед тем как толкнуть дверь, он бросил на них взгляд: оба дурачились, как мальчишки. Каждый раз, когда он видел это сообщничество Людовика со своим отцом, он чувствовал себя незаконным сыном, узурпатором, надоедливым зятем, и ему казалось, что он всем мешает или занимает чужое место. Однако Людовик никогда и ни в чем того не упрекал. Этого Людовика было трудно не любить, потому что он невольно внушал симпатию и уважение, а также производил впечатление надежного парня. Однако это не избавляло от некоторых опасений на его счет, потому что вопреки его собственной воле было в нем и что-то пугающее, как, например, эта блажь – на ночь глядя бросить в свой багажник карабин, чтобы поехать с ним завтра в Париж.

Они редко собирались все вместе в большом зале, но сегодня был экстренный случай. Айша только что приняла телефонный звонок с завода в Труа, и ей сообщили, что испорчена целая серия – три сотни моделей. Три сотни сошедших с конвейера трубчатых платьев не соответствовали размерам и странным образом потеряли эластичность, оказавшись растянутыми, неплотными и мешковатыми. Фабиан не упустил возможности подлить масла в огонь и постарался перед всеми обвинить в этом Аврору. И чтобы корчить из себя провидца, у него были все козыри на руках. Он же с самого начала говорил, что лучше изготавливать эти трикотажные вещи на фабрике в Пьемонте или в Болгарии, потому что они обе укомплектованы машинами Штолль последней модели с компьютерным моделированием. А теперь ей придется как-то выкручиваться из-за своей якобы «безупречной» французской фабрики. «Это они накосячили, я ведь тебе говорил, что будет катастрофа, у них же ни в

руководстве, ни среди спецов нет никого моложе сорока лет!»

Но горевать было некогда, Авроре необходимо действовать быстро. Однако при этом она находила странным, что на фабрике не предупредили их сразу же, а дождались конца рабочего дня понедельника. Зачем надо было ждать, чтобы прошли выходные, ведь не смогли же они выпустить все эти платья сегодня, тут явно что-то не сходилось. Она должна взять себя в руки и немедленно найти решение. Нельзя допустить, чтобы эти три сотни бракованных моделей зависли у них на руках. «Галерея Лафайет» хотела получить их к февралю, но Фабиану удалось договориться о поставке в ноябре, чтобы за них заплатили на три месяца раньше. Да, этот заказ оторвал Фабиан и полгода им гордился. Так что у него была удобная позиция, чтобы обвинить Аврору перед портниками, заявив ей, что она не только дизайнер, но прежде всего начальница, и ради заказа такой важности могла бы побыть на фабрике в момент выпуска продукции и все проверить, даже если бы пришлось провести там целый день. И он не лишил себя удовольствия добавить, мол, вот оно, доказательство, что упрямое нежелание Авроры размещать производство за границей ради возможности следить за производством от начала и до конца, не избавляет от проколов... Вдруг он стал пыжиться, стоя среди смущенных работников, распускать хвост, изображая из себя трезвого руководителя, здравомыслящего управленца, отбрасывая Аврору к роли отсталого дизайнера, который не справляется с ситуацией. И вместо того чтобы терпеть все это, всех их у себя под носом, Аврора вышла из конференц-зала и отправилась в свой кабинет, чтобы запереться там и позвонить на фабрику.

Это предприятие она взяла на заметку два года назад, прежде ей довелось всего два раза работать с ними, над простейшими рубашками поло, но она была уверена в этой команде, у них было авторитетное начальство, машины с компьютерным управлением для шитья трикотажа. И, хотя персонал был и в самом деле не очень молодой, это странным образом успокаивало ее и внушало доверие, когда она видела этих трикотажниц в халатах по старинке, которые, склонившись над своими машинами, беспрестанно контролировали спицы. Только вот реальность такова, что сегодня они запороли три сотни платьев, можно сказать, что весь заказ на сорок тысяч евро отправился псу под хвост. И все из-за нескольких микрон, они использовали нить не той толщины, слишком тонкую, так что ткань джерси поредела, потеряла эластичность. Она видела на коротком видео из прикрепленного файла, что все модели стали на два размера больше и не имели никакой плотности. Такие незадачи обычно никогда не случаются, тем более что она послала им эталон-прототип через срочную службу доставки, и этот опытный образец был у них перед глазами, когда они

приступили к работе, со всеми размерами и пояснениями... и вот, хватило простой человеческой ошибки, чтобы все пустить по ветру. Она не хотела в это верить. Потом она подумала, что ошибка, быть может, случилась из-за нее самой, потому что, если они ткали на ультрасовременных станках, да еще и с поддувом, при 4 % эластана натяжение нитей могло оказаться слабее... но это могли предусмотреть Сандрина или Айша и даже их программист. А может, и нет. Она уже не знала. Единственное, в чем она была уверена: ей нужно было быть на месте, когда началось производство, это была единственная возможность избежать катастрофы. Если бы она была там, сразу бы заметила проблемы. Или же она не смогла объяснить, какими должны быть эти модели. Ткань должна быть плотной, упругой, обтягивающей. Аврора хотела, чтобы платья были страстные, пламенные, которые облегают тело, подчеркивают формы, крепко поддерживают бедра и бюст. А главное, чтобы в моделях не было никакой дряблости и уж точно никакой бесформенной ткани. Да, это именно так, она разучилась объяснять, и ее больше не понимали – верный признак того, что она явно не лидер. У нее нет той маниакальной недоверчивости, которая требуется на этом посту. Уже много раз она чувствовала страх – оказаться не на высоте, но раньше она его всегда скрывала, его никогда не было видно. Однако сегодня другое дело. У нее было ощущение, что все видели в ней только страх, и правда была в том, что она больше не владела ситуацией.

Единственным способом исправить положение было поехать на завод. Аврора просмотрела расписание поездов, отменила три назначенные на следующий день встречи, одна из которых – обед с представителем банка. После чего позвонила на фабрику Волькеру, чтобы сообщить ему, что будет там завтра. Заставила себя сделать это, поскольку знала, что должна будет лично обвинить их. Уже после первых проб они должны были сообразить, что их изделие не похоже на присланный эталон-прототип. Волькер холодно ей возразил, что она должна была взять другую нить или присутствовать на производстве. Он тоже придерживался своей позиции, пытался сбросить с себя ответственность, ему совершенно не хотелось брать расходы на себя.

– Мадам Десаж, я же сказал вам, что вы должны были или сами приехать, или послать к нам кого-нибудь...

– Но... но вы же предупреждаете меня только сейчас, в понедельник, в шесть часов вечера!

– Вам звонили в пятницу, старший мастер лично вам звонил. Вы лучше должны знать, как передается информация в вашей команде, а меня это не касается.

Иногда только ты сам можешь помочь утешить себя. Сидя в кабинете и обхватив голову руками, Аврора старалась убедить себя в том, что была права, и в самой себе искала слова ободрения, которые больше никто не мог ей сказать. Ее целью всегда было делать только высококлассные вещи, работать с небольшими объемами и все производить во Франции. Ни за что в другом месте.

Единственные уступки, на которые она когда-либо соглашалась, это заказывать в Португалии и в Италии набивные ткани и кожу. Тут не было сомнений в верности ее решения, поскольку Аврора умела предугадывать потребности рынка, она уже давно предчувствовала, что «этичность» входит в моду, даже несмотря на то, что такие вещи наверняка будут стоить дороже. Для нее это было четкой позицией: изготавливать честно, достойно и гуманно. Когда она еще только начинала работать, ей трижды довелось побывать в Китае, и она поклялась никогда больше не видеть пригороды Шэньчжэня или Гуанчжоу, больше не добавлять аммиака в каналы Шаосина. А также не хотела эксплуатировать девочек в Бангладеш или Болгарии, работниц, которым платят еще меньше, чем в Китае, готовых работать по триста часов в месяц. Она не хотела рисовать платье, зная, что пятнадцатилетние подростки будут рисковать своей жизнью, чтобы придать ему форму. С точки зрения нравственности для Авроры это было неприемлемо.

Ей никак не удавалось выйти из своего кабинета, она не хотела вновь встречаться с Фабианом. Из коридоров (сейчас он точно был там) доносился его голос, почти веселый, словно эта катастрофа его забавляла. Но совсем невыносимо стало, когда она услышала его смех этажом ниже, в ателье. Он смеялся среди ее сотрудниц, можно было подумать, что все эти месяцы он только и ждал, чтобы она облажалась, и смеялся теперь. Он только что подловил ее на глазах у всех, а она, ни о чем не подозревая, угодила в его западню. Он ведь месяцами ждал, надеясь, что она допустит серьезный промах, и на этот раз он, по крайней мере, получил нечто конкретное, на этот раз у него развязаны руки, чтобы подготовить свой удар. Он готов вышвырнуть ее отсюда, обвинив в некомпетентности или профессиональной ошибке, чтобы заполучить полный контроль над компанией и вести ее туда, куда захочет... Она больше не могла слышать этот смех, так что вышла из кабинета и спустилась вниз.

– Слушай, – бросила она Фабиану, – неужели тебя так забавляет подставлять меня? Ведь ты же знал это с пятницы, они тебе позвонили, и ты с пятницы знал, что есть прокол, так во что ты играешь, давай, скажи это, потому что сейчас все здесь, скажи, какую подлость ты задумал, хочешь избавиться от нас всех?..

Фабиан попятился, неприятно удивленный тем, что видит ее в таком состоянии, однако взял себя в руки и, приняв непринужденный вид, широким жестом призвал всех в свидетели:

– Как видите, ваша начальница просто образец хладнокровия!

Он ею манипулировал. На этот раз она была в этом уверена, он нарочно подстроил, чтобы все были здесь, когда позвонят с завода, она даже подумала: а может, он умышленно изменил характеристики изделия, чтобы случилась катастрофа? Она не могла в это поверить, но думала об этом. После того эпизода с револьверами в Турции ее уже ничто не удивляло. В тот день Фабиан чувствовал себя перед ней таким жалким, таким униженным, что наверняка только об одном и мечтал – взять реванш. Все это было невыносимо. Она поднялась в кабинет забрать свои вещи и ушла, решила отправиться домой, а поскольку мимо проезжало такси, она прыгнула в него – пускай поездка займет в три раза больше времени, чем на метро, но сегодня ей необходимо было спокойно посидеть, ничего не решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Esmod – первая в мире школа моды, основанная во Франции в 1841 году Александром Лавинем.

2

Корнер (от англ. corner, угол – торговое пространство в мультибрендовом магазине или на интернет-сайте, отведенное под определенный бренд.

3

Бубу – африканская очень просторная и длинная одежда, представляет собой сложенный пополам и прошитый по бокам широкий кусок материи с отверстиями для рук и головы.

4

RER (Reseau Express Regional d'Ile de France) – Региональная скоростная сеть Иль-де-Франс.

5

Бизнес-ангелы (business angels, англ.) – частные инвесторы, вкладывающие деньги в инновационные проекты на этапе создания предприятия в обмен на возврат вложений и долю в капитале.

6

Наполовину французское, наполовину английское выражение, термин-гибрид, означающий «предварительно подготовленная передача» – инновационный пункт, введенный во французский Коммерческий кодекс 12 марта 2014 года с целью облегчить санацию предприятий, имеющих финансовые затруднения; подробнее см. далее в тексте книги.

7

Недели моды (англ.)

8

Это большой парень (англ.).

Купить: https://telnovel.com/ru/zhonkur_serzh/opasnaya-svyaz

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)